

МАСАНОВ
Нурбулат Эдигеевич
БИОБИБЛИОГРАФИЯ

Nurbulat E. MASSANOV
BIOBIBLIOGRAPHY

**МАСАНОВ
Нурбулат Эдигеевич**

Биобиблиография

Алматы, 2017

УДК 016:929
ББК 63.3 (5 Қаз)
М 31

Составитель: *Л. Масанова*

М 31 **Масанов Нурбулат Эдигеевич. Биобиблиография.** – Алматы, 2017. – 102 с., фото.

ISBN 978-601-06-4290-4

В данном научно-популярном издании представлен полный список трудов известного казахстанского ученого и общественного деятеля, доктора исторических наук, профессора Нурбулата Эдигеевича Масанова (1954–2006 гг.). Летопись публикаций предваряет история жизни и деятельности Н.Э. Масанова, в которой отражены важные моменты его биографии и научные достижения. Сюда же вошли также очерки о Н.Э. Масанове, написанные коллегами и друзьями, раскрывающие его вклад в исследование культурно-исторического феномена кочевой цивилизации казахов, роль в развитии общественно-политических процессов в суверенном Казахстане, а также личные впечатления от общения с этой яркой и незаурядной личностью.

УДК 016:929
ББК 63.3 (5 Қаз)

ISBN 978-601-06-4290-4

© Масанова Л., сост., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Биография Нурбулата Масанова	6
О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	27
А. М. Хазанов.	
Воспоминания о Нурбулата Масанове	28
И. В. Ерофеева. Кочевник во Вселенной	34
С. А. Панарин. Львиное сердце	46
Н. Н. Крадин. Памяти друга	51
С. С. Савоскул. Нурбулат Эдигеевич Масанов.	55
Литература о Н. Э. Масанове	64
ПУБЛИКАЦИИ Н. Э. МАСАНОВА	67
Монографии	68
Летопись публикаций	74
Фотоприложение	95

МАЗМҰНЫ

Нұрбулат Едігеұлы Масановтың өмірбаяны	6
ӨМІРІ МЕН ҚЫЗМЕТІ	27
A. M. Хазанов.	
Нұрбулат Масанов туралы естеліктер	28
И. В. Ерофеева. Фалам көшпендейті	34
С. А. Панарин. Арыстан жүректі айбаттым	46
Н. Н. Крадин. Асыл достың рухына	51
С. С. Савоскул. Нұрбулат Едігеұлы Масанов	55
Н.Е. Масанов туралы әдебиет	64
Н.Е. МАСАНОВТЫҢ ЕҢБЕКТЕРІ	67
Монографиялары	68
Басылымдар шежіресі	74
Фотоқолдану	95

CONTENTS

Biography of Nurbulat Edigeyevich Massanov	6
LIFE AND ACTIVITIES	27
A.M. Khazanov. Memories of Nurbulat Massanov	28
I.V. Erofeyeva. Nomad in the Universe	34
S.A. Panarin. Lion's heart	46
N.N. Kradin. To the memory of a friend	51
S.S. Savoskul. Nurbulat Edigeyevich Massanov	55
Literature on N.E. Massanov	64
PUBLICATIONS OF N. MASSANOV	67
Monograph publications	68
Publication chronicles	74
Photo	95

Масанов

БИОГРАФИЯ НУРБУЛАТА ЭДИГЕЕВИЧА МАСАНОВА

Нурбулат Эдигеевич Масанов родился 20 апреля 1954 г. в Караганде в семье потомственной казахской интеллигенции.

Отец – Эдиге Айдарбекович Масанов (1926–1965 гг.) – казахский этнограф, автор широко известного научного труда «Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР» (Алматы, 1966). Э.А. Масанов, в 1953 г. с отличием закончив исторический факультет МГУ, затем аспирантуру Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, в 1960 г. блестяще защитил кандидатскую диссертацию по этнографии казахов. С 1961 г. и до конца жизни работал старшим научным сотрудником в отделе этнографии Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук КазССР в Алма-Ате.

Мать – Сауле Мусатаевна Ахинжанова (1929–2011 гг.), окончив в 1951 г. исторический факультет МГУ, всю свою трудовую деятельность посвятила библиотечному делу. На протяжении многих лет она возглавляла Редкий фонд Государственной библиотеки Казахской ССР им. А.С. Пушкина (г. Алматы).

Отец Нурбулата Масанова был сыном одного из видных представителей первого поколения казахской интеллигенции, выпускника Оренбургской учительской школы

(1916 г.), активного общественно-политического деятеля Казахстана первой трети XX в. Айдарбека Баймұхамедовича Масанова (1895–1945 гг.). Его имя впервые встречается в исторических документах в 1917 г. в списке сорока «образованных казахских джигитов» из Тургайского и Иргизского уездов Тургайской области Степного края. В то время А.Б. Масанов неоднократно упоминался в различных документах аланинского движения, в том числе в списке членов комитета Алаш-орды по губерниям и районам. В годы советской власти он работал в органах народного просвещения и Наркомзема, в 1929–1931 гг. – был Управляющим Делами Совнаркома, позднее – заместителем начальника Планового отдела Народного Комиссариата легкой промышленности (1936–1937 гг.). В 1937 г. А.Б. Масанов в полной мере разделил трагическую судьбу первого поколения казахской интеллигенции: в июне 1937 г. он был третий раз арестован, 15 ноября осужден тройкой УНКВД по Алма-Атинской области и отправлен отбывать срок в далекую Колыму. Лишь спустя 20 лет родственникам официально объявили, что он умер в 1945 г. от язвы желудка в Магаданской области.

Мать Нурбулата Масанова была дочерью известного казахского историка Мусатая Бекбулатовича Ахинжанова (1905–1986 гг.) и старшей сестрой не менее известного ученого, археолога Серкана Мусатаевича Ахинжанова (1939–1991 гг.). Мусатай Бекбулатович Ахинжанов, кандидат исторических наук, участник Великой Отечественной войны (1942–1945 гг.), в первые послевоенные годы был первым заместителем директора Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук КазССР, а затем 39 лет проработал в Казахском государственном университете им. С.М. Кирова сначала доцентом и профессором, а затем – заведующим кафедрой Истории Казахстана и деканом исторического факультета. Сферой его научных интересов были вопросы этноге-

изза казахского народа, он также является автором пьес «Алтын сақа», «Ибраї Алтынсарин», «Исатай Махамбет». Его сын – Сержан Мусатаевич Ахинжанов, кандидат исторических наук, окончив исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, посвятил себя археологии, пройдя в Институте истории, археологии и этнографии АН путь от лаборанта до начальника археологической экспедиции. Его научные изыскания нашли отражение в монографии «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана» (Алматы, 1989).

Нурбулат был единственным ребенком у своих родителей. Отец много занимался воспитанием сына, читал книги, обучал игре в шахматы, брал его с собой на футбольные матчи любимого алматинского клуба «Кайрат». Когда отец с матерью уезжали в Москву на учебу в аспирантуру, старшего внука опекали дедушка и бабушка по материинской линии. Но когда ему исполнилось 11 лет, все изменилось. Летом 1965 г. во время этнографической экспедиции трагически оборвалась жизнь Эдиге Айдарбековича Масанова.

Сауле Мусатаевна, потеряв мужа, полностью посвятила себя воспитанию сына. Нурбулат, с раннего детства увлекшись чтением, теперь целыми днями пропадал в книгохранилищах библиотеки, где работала его мама. Он перечитал практически всю доступную в то время мировую литературу в жанре приключенческого романа, научной фантастики и рассказов о животных.

В это время в семье появилась собака породы «дог» – Гай. Сауле Мусатаевна полагала, что, заботы о собаке помогут Нурбулату пережить тяжелую утрату, а верный пес сможет защитить сына-подростка в моменты опасности. Заботы о домашнем питомце переросли у Нурбулата в настоящее увлечение собачеводством. Досконально изучая породные линии немецких и восточно-европейских овчарок, он настолько преуспел в этом, что, несмотря на свой

семнадцатилетний возраст участвовал в республиканских выставках собак и был приглашен в Москву на всесоюзную выставку немецких овчарок в качестве судьи.

После окончания алматинской средней школы в 1971 г. Нурбулат Масанов поступил на исторический факультет Казахского государственного университета им. С. М. Кирова и успешно закончил его в 1976 г. Вспоминая годы обучения в университете, Нурбулат с особой теплотой говорил о своих учителях – профессоре Я. Д. Серовойском, и особенно о Вениамине Петровиче Юдине, друге отца, с которым он часто спорил с присущим ему юношеским задором и максимализмом, и всегда удивлялся эрудиции, мудрости и терпению своего старшего наставника. Во многом под влиянием В. П. Юдина Нурбулат увлекся исследовательской деятельностью и решил, что станет профессионально заниматься историей дореволюционного Казахстана.

На третьем курсе Университета Нурбулат женился на своей сокурснице – Галине Султановне Баратовой. В этом браке у них родились две дочери – Инара (в 1974 г.) и Алия (в 1979 г.).

Окончив в 1976 г. КаzГУ, Н. Масанов начал работать в Институт истории, археологии и этнографии (далее – ИИАЭ) им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР, где директором в то время был А.Н. Нусупбеков. Проработал некоторое время старшим лаборантом, затем стал младшим научным сотрудником, а с 1983 г. – старшим научным сотрудником ИИАЭ. Нурбулат еще будучи магистром производил огромное впечатление на сверстников и старших коллег обширнейшими познаниями в области истории и этнологии и нетрафаретным взглядом на исторические процессы в Евразии. Наиболее ярко это проявлялось во время регулярно проводимых в институте методологических семинаров, посвященных наиболее актуальным проблемам исторической науки. На этих семинарах он являлся катализатором глубоких научных дискуссий по вопросам на-

учной терминологией и теоретическим аспектам в области историко-культурного феномена номадизма, отношениям собственности, проблемам этиогенеза тюркских народов континента и т.д. Его роль на семинарах была весьма значимой, так как задаваемые им вопросы и высказываемые суждения по поднятым темам побуждали сотрудников института разных поколений обращаться к ранее неизвестной им научной литературе, углублять и расширять ракурс видения изучаемых проблем. В ходе этих обсуждений и дискуссий формировалось то явление, которое в литературе принято называть научной школой.

С 1986 по 1988 гг. он работал ученым секретарем Отделения общественных наук АН Казахской ССР. В 1980 г. Нурбулат защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Налоговая политика царизма в Казахстане в 20–60-е гг. XIX в. (социально-экономический анализ)» в специализированном Ученом совете ИИАЭ. В 1989 г. Нурбулат поступил в очную докторантуру Института антропологии и этнологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Там же в Москве в браке с Лаурой Ертаевной Масановой у него родился сын Маджер. А спустя три года, после завершения обучения в докторантуре, Нурбулат в возрасте 37 лет блестяще защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период (историко-экологические аспекты номадизма)». В 1995 г. текст своей докторской диссертации Н. Э. Масанов опубликовал в виде монографии под названием «Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества», которая во многих отношениях стала этапной для исторической науки Казахстана и вызвала широкий интерес.

Докторская диссертация Масанова и его монография (1995 г.) получили большой резонанс в среде специалистов.

Крупнейшие историки, номадоведы и этнографы бывшего СССР дали на них превосходные рецензии, имя Масанова стало известно среди ученых Англии, США, Франции, Японии. Высоко оценили его исследовательский талант и научные заслуги всемирно известные номадоведы, историки, археологи и этнографы: В. Л. Янин, А. М. Хазанов, Г. Е. Марков, А. И. Першиц, В. И. Коалов, Т. А. Жданко, Р. Г. Кузеев, В. Н. Басилов, Н. Н. Крадин, Ж. Легран. Взаимное уважение и теплые дружеские отношения связывали его с крупными казахстанскими историками А. Х. Маргуланом, Х. Аргынбаевым, Р. Б. Сулейменовым, М. С. Мукановым, В. П. Юдиным и Ю. А. Зуевым.

Вернувшись в Алматы, вдохновленный новыми идеями демократического переустройства науки и общественной жизни, Н. Э. Масанов с большим энтузиазмом занимался анализом тенденций развития посткоммунистических обществ, излагая свое видение политического и социально-экономического развития независимого Казахстана в многочисленных статьях и интервью в СМИ. Он понимал, что в этот переломный исторический период решается судьба страны: по какому пути развития она пойдет – по пути демократии или авторитаризма. Ему очень хотелось, чтобы «чаша весов» склонилась к демократии. Знаковой стала серия публикаций «Как обустроить Казахстан» Нурбулата Масанова и Нурлана Амрекулова в 1992 г. в газете «Казахстанская правда». Как считали эксперты, «авторы не оставили камня на камне от символа веры современной посткоммунистической казахской номенклатуры – убеждения в том, что частная собственность, демократия и государственное двуязычие непримлемы для казахского народа».

Однако в то время многие идеи Масанова с трудом воспринимались большей частью казахстанского общества. Понимание и признание важности идей Нурбулата Масанова стало приходить лишь в последние годы его жизни.

В 1992–1998 гг. Нурбулат Масанов преподавал в КазНУ им. Аль-Фараби на историческом факультете, факультете философии и политологии, факультете международных отношений, где получил сначала звание доцента, а потом – профессора. Он читал студентам и слушателям Институтов повышения квалификации спецкурсы «Этногенез и этническая история казахов», «Кочевничество в Казахстане и Центральной Азии», «Социально-экономическая история Казахстана», «Этнология народов мира», а также «Актуальные вопросы экономического, государственно-политического и межэтнического развития Казахстана». Он организовал и регулярно проводил для студентов и магистрантов заседания дискуссионного клуба, где выступал с докладами на самые актуальные темы истории и современности. Нурбулат в этот период активно участвовал в различных международных конференциях: по этнополитическому развитию Центрально-Азиатского региона в посткоммунистический период (г. Уtrecht, 1993); по этнополитическому развитию посткоммунистических стран (г. Анкара, 1994); по проблемам этнополитического развития стран Центральной Азии (г. Москва, 1994); по межэтническим отношениям в Казахстане (г. Брюссель, 1995); по гражданскому обществу и развитию гражданского образования (г. Прага, 1995); на международном семинаре по проблемам безопасности и национализма (г. Москва, 1993); семинаре ОБСЕ по межэтническим отношениям в Казахстане (г. Алматы, 1995); международной конференции «Куда идет Россия?» (Москва, 1994).

В 1998 г. Нурбулат Масанов был вынужден покинуть университет. Всю весну того памятного года в адрес историка и политолога Масанова шла директивная критика, из которой руководство университета сделало оргвыводы, введя запрет на профессию для инакомыслящего профессора. Вот как описывает обстоятельства изгнания профессора Н. Масанова в мае 1998 г. из КазГУ публицист

А. Свиридов в своей хронике «СМИ и политика в 1995–1998 гг.»: «17 марта 1998 г. прошло расширенное заседание государственной комиссии по проведению так называемого Года народного единства и национальной истории. Приглашенные ораторы – сановные академики-аксакалы и писатели – дружно призывали к оргвыводам в отношении Н. Масанова за его выступления в прессе. Из более чем двух сотен научных статей и публицистических очерков, опубликованных Масановым за период с мая 1992 г., наибольшую злобу у придворных идеологов вызвала фундаментальная статья «Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество», опубликованная в 1996 г. московским академическим журналом «Вестник Евразии». Полностью солидаризируясь с сановными мракобесами и указаниями приверженного власти руководства университета, профессура, воспользовавшись формальным предлогом – истечение срока контракта – единогласно не перезбрала профессора Масанова на новый срок. Сам Н. Масанов предсказывал такое решение и в своем интервью еженедельнику «XXI век» от 27 марта 1998 г. так прокомментировал агрессивные речи участников мартовского идеологического собрания в свой адрес: «Прозвучавшую в мой адрес критику воспринимаю как самую высокую оценку моей скромной работы, поскольку считаю ее весьма позитивной и полезной для нашего общества. [...] Я попал в цель, вскрыв один из гнойных нарывов нашего общества, и именно этим вызвал раздражение сильных мира сего».

Именно эти прославленные академики, выступавшие, как они говорили, против «утраты национальной идентичности казахского народа» и «русификации», и сыгравшие роковую роль в судьбе Нурбулата Масанова как ученого, в свое время клеймили его за то, что он призывал изучать культуру кочевников, имеющую самостоятельную ценность.

В 1989 г. они отправили в ЦК многосторонний доклад, где буквально было сказано, что «книги Масанова вредны», что «их надо рассматривать, как пособие по национализму».

После изгнания из КазНУ Нурбулат Эдигеевич оказался на долгие годы отлученным от преподавания в казахстанских вузах. Вспоминается случай, когда он, приняв приглашение областного университета выступить у них с лекциями по истории Казахстана, уже по пути в Караганду был вынужден сойти с поезда, так как в последний момент организаторы получили строгое указание «сверху» не допускать Масанова в студенческую аудиторию.

Вместе с тем, независимого исследователя, политолога и общественного деятеля часто и с удовольствием приглашали лучшие зарубежные университеты и научные центры для чтения лекций и выступлений с докладами на конференциях, семинарах и круглых столах. Нурбулат Масанов пользовался огромным авторитетом в мировом научном сообществе за беззаветное служение науке, которое во все времена и во всех странах было редким явлением и оценивалось исключительно высоко. Об этом говорили участники вечера памяти Нурбулата Масанова, который прошел 1 марта 2007 г. в Школе африканских и азиатских исследований (SOAS) Лондонского Университета по инициативе руководителя Центра современной Центральной Азии и Кавказа, профессора Бавны Деве. Исследователь Аннет Берн (Королевский институт международных отношений, Великобритания) вспомнила, как впервые встретила Нурбулата в 1995 г. «Мне говорили, что он является ключевым человеком, неформальным советником почти каждого западного ученого, интересующегося Казахстаном. Он не только сразу же поразил меня как замечательный и честный ученый с моральным бесстрашием и развитым чувством юмора, но и как человек с проницательным умом и оригинальным анализом, буквально выведший меня из некоего ступора, в котором

я находилась под влиянием казахстанского экспертного сообщества тех времен».

С конца 90-х гг. Нурбулат, будучи визитинг-профессором Высшей школы исследований по социальным наукам Франции (*École des hautes études en sciences sociales*), и Института ислама Франции неоднократно выезжал в Париж для чтения цикла лекций перед студентами и исследователями Центральной Азии. Он принял участие и выступил с докладами в более чем 40 научных конференциях, проходивших в различных городах мира: Алматы, Москве, Санкт-Петербурге, Нью-Йорке, Вашингтоне, Париже, Лондоне, Кембридже, Бирмингеме, Бостоне, Сакраменто, Брюсселе, Амстердаме, Роттердаме, Утрехте, Вене, Бордо, Страсбурге, Гармиш-Партенкирхене, Лимассоле, Лондондерри, Белфасте, Будапеште, Праге, Варшаве, Познани, Дурбане, Биникеке, Ташкенте, Киеве, Анкаре и др. Кроме того Нурбулат Эдигеевич был членом редколлегии авторитетных международных научных журналов «Центральная Азия и Кавказ» и «Вестник Евразии».

В 1998 г. Н.Э. Масанов абсолютно осознанно занялся активной общественно-политической деятельностью, вступив в Республикаскую народную партию Казахстана (РНПК), созданную бывшим премьер-министром страны А.М. Кажегельдиным. Он готовил партийные программные документы, активно участвовал в предвыборной кампании, баллотировался в депутаты Мажилиса парламента и Маслихата в составе партийного списка, писал статьи, давал интервью, выступал на митингах и встречах с избирателями. Хотя Нурбулат всегда подчеркивал, что он, прежде всего, ученый, а не политик, свое вступление в РНПК объяснял тем, что вести индивидуальную борьбу против авторитарного режима, подвергая ее жесткой критике, недостаточно. Пришло время консолидироваться всем интеллектуальным и демократическим силам страны, чтобы противостоять тирании авторитаризма.

В 1999 г. Нурбулат инициировал создание общественного объединения «Форум демократических сил Казахстана», став одним из его сопредседателей (1999–2001 гг.). В 2001 г., когда образовалось общественное движение «Демократический выбор Казахстана» (ДВК), Н. Масанов стал одним из первых, кто поддержал это движение и принял участие в знаменитом учредительном собрании ДВК в здании цирка в г. Алматы 19 января 2002 г., выступив с докладом. Потом, когда начались аресты лидеров ДВК, он вступил в это движение и был избран членом его политсовета, наряду с А. Б. Кожахметовым, С. А. Абдильдиным и другими общественными деятелями.

Благодаря своему авторитету, аналитическому мышлению и деятельности участнику Нурбулат стал интеллектуальным лидером и генератором идей в стане демократической оппозиции, оказав влияние на начинающее набирать силу демократическое движение Казахстана. Он неоднократно выезжал за рубеж, где встречался с общественными деятелями и политиками в Конгрессе США, Европарламенте, Еврокомиссии, Национальном собрании Франции; выступал с докладами в Фонде Карнеги (США), Фонде им. Короля Бодуэна (Бельгия), Королевском институте международных отношений Chatham House (Великобритания), Международной Хельсинкской Федерации по правам человека (Австрия), Европейском обществе центральноазиатских исследований, Институте по освещению войны и мира (Великобритания), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и других международных организациях. Масанов стремился донести до мирового сообщества правду о Казахстане, выражая альтернативную по отношению к официальной точке зрения на происходящие в стране внутриполитические и общественные процессы, за что его прозвали «дипломатом казахстанской оппозиции».

За принципиальную гражданскую позицию и активную общественно-политическую деятельность власть не-

однократно пытались осудить Н. Масанова в уголовном порядке, а если не получилось, то в порядке гражданского иска при одностороннем обвинительном подходе со стороны судей всех инстанций. Но враждебные силовые акции и угрозы по отношению к самому Н. Масанову всегда оставались безнаказанными. Так, чтобы не пустить Нурбулата на митинг 31 марта 2000 г., дверь его квартиры замуровали бетоном, а стены подъезда неизвестные «патриоты» расписали оскорблениеми и угрозами. В том же году против него устроили провокацию в сетях Интернета, сфальсифицировав его интервью журналисту ИТАР-ТАСС Игорю Чепанову в антиказахском духе, что стало причиной возбуждения КНБ уголовного дела, а затем многомесячного судебного процесса по гражданскому иску оскорблению небезызвестного национал-патриота и целой серии отрицательных решений всех судов, от районного до Верховного. Наконец дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Тем не менее, Нурбулат постоянно ощущал на себе жесткий прессинг со стороны агентов власти и национал-патриотов, понимал свою беззащитность перед могуществомластной машины, сильно переживал и беспокоился за семью и детей, внешне стараясь не подавать виду, всяляя в своих близких уверенность и спокойствие.

Помимо участия в общественно-политической жизни, в конце 90-х - начале 2000-х гг. Нурбулат активно занимался научно-исследовательской и организационной деятельностью, работал над написанием учебников. В 1995–1996 гг. он obstоятельно изучал характер развития межэтнических отношений в постсоветском Казахстане. Под его руководством Центр мониторинга межэтнических отношений в Казахстане, функционировавший при Международном фонде интеллектуальной поддержки реформ в Казахстане и Центральной Азии «АРКОР» (учрежденном Н. Масановым и Н. Амрекуловым), при поддержке Фонда National Endowment of Democracy (США)

провел этносоциологическое исследование в нескольких крупных городах Казахстана, результаты которого вместе с систематизированным статистическим материалом были опубликованы тремя выпусками в 1996 г.

В 1996–1997 гг. по заказу Бюро фонда им. Фридриха Эберта по странам Центральной Азии в г. Алматы этим же Центром было проведено исследование «Мониторинг прав этнических меньшинств в Казахстане», результаты которого были также опубликованы. В 1996–1997 гг. Нурбулат по приглашению профессора В.А. Тишкова участвовал в международном проекте «Этничность, конфликт и согласие», организованном Центром по изучению и регулированию конфликтов Института этнологии и антропологии РАН и директоратом программы MOST (Management of Social Transformation) ЮНЕСКО. Результаты проведенных им совместно с Игорем Савиным этнологических исследований в Казахстане вышли отдельной книгой «Казахстан. Модель этнологического мониторинга» (Москва, 1997).

В 1997–2001 гг. по приглашению профессора Университета Висконсин (Медисон, США) А.М. Хазанова Нурбулат участвовал в международном исследовании влияния экономических реформ на скотоводческий и животноводческий сектор экономики в Центральной Азии. В рамках данного глобального американо-казахстанского проекта, который финансировался Агентством по международному развитию США, группа этнологов под руководством Н. Масанова проводила социологические исследования состояния скотоводства в нескольких регионах Казахстана. Результаты исследования, полученные в рамках данного проекта, были представлены Н. Масановым на международных конференциях (Санкт-Петербург, 1997 г.; Алматы, 1999 г.).

Н. Масанов был соучредителем Международного бюро по правам человека и соблюдению законности, чле-

ном правления Фонда Сорос-Казахстан (1996–1999 гг.). В 2002 г. Нурбулат Масанов стал президентом Казахстанской Ассоциации политической науки. Свою основную задачу на этом посту он видел в координации усилий казахстанских политологов, чтобы сделать их труды известными не только в Казахстане, но и в других странах, и чтобы Ассоциация могла высоко поднять этический и научный уровень, создавать стимулы для профессиональной солидарности. В 2002 г. Нурбулат создал Общественный фонд «Открытый гуманитарный институт» и стал его директором.

В 2001 г. при поддержке Фонда Сорос-Казахстан вышли в свет два фундаментальных учебных пособия по истории, написанные на принципиально новой концептуальной основе – общности судеб и основ культурно-исторического функционирования и развития разных народов, этнических и конфессиональных групп, проживающих на территории Центральной Азии и Казахстана. Это – «История Казахстана: народы и культуры», написанная в соавторстве с И. В. Ерофеевой, А. Н. Алексеенко, Ж. Б. Абылхожиным и Г. С. Баратовой (объемом 37,7 п.л); а также «История Казахстана и Центральной Азии» (объемом 36,5 п.л), подготовленная в соавторстве с А. М. Хазановым, С. Г. Кляшторным, Т. И. Султановым, М. К. Абусетовой и Ж. Б. Абылхожиным.

Нурбулат Масанов внес значительный вклад в становление политической науки в Казахстане. Как ученый-политолог, он создавал новое научное знание, находясь в гуще реальных политических процессов. Специалисты отмечают его особые заслуги в разработке теоретических и методологических основ функционирования политической системы и политической элиты, партийного строительства и политической культуры, парламентаризма и института президенства, межэтнических отношений, институтов гражданского общества, а также в исследова-

нии проблем глобализации, политического экстремизма и терроризма и др. В 1995 г. Нурбулат Масанов вместе с Евгением Александровичем Жовтисом, директором Казахстанско-Американского бюро по правам человека и соблюдению законности, а также двумя американскими экспертами-юристами Барнабасом Джонсоном и Лаури Уайменом разработали и обнародовали альтернативный проект Конституции Республики Казахстан, прописав в ней подлинные институции конституционной демократии в стране.

Н.Э. Масанов считал, что одним из наиболее эффективных и доступных способов актуализации научных и общественно-политических проблем является проведение открытых дискуссий. Именно поэтому летом 2002 г. он вместе с известным журналистом Сергеем Владимировичем Дувановым организовал в Алматы дискуссионный клуб «Политон», которым руководил до последнего дня своей жизни. В 2005 г. филиал клуба «Политон» был открыт в Астане при участии Заурен Кабылбековны Баталовой. За это время было проведено свыше 200 заседаний «большого круглого стола», на которых Н. Масанов выступал как модератор, а на многих дискуссиях – как докладчик.

По свидетельству постоянного участника клуба публициста А. Свиридова как модератор Нурбулат Эдигеевич прилагал титанические усилия, стараясь приглашать к участию в дискуссиях мыслящих людей не только из оппозиционного лагеря и вольномыслящих СМИ, но и людей из властных структур, а также представителей экспертного сообщества – политологов, социологов, этнографов всех ориентаций. И, конечно, зарубежных гостей – учёных из Франции, Великобритании, США, Индии, России и других стран, которые часто выступали в «Политоне» с докладами или просто участвовали в обсуждениях. В качестве приглашенных в «Политоне» побывали почти все лидеры

оппозиционных политических партий, руководители дипломатических миссий крупнейших зарубежных стран. Иногда удавалось пригласить в качестве содокладчиков и диспутантов «один на один» двух «парных» деятелей одного профиля, но политических антагонистов. Во время предвыборной кампании 2005 г. в клубе «Политон» выступали трое из пяти кандидатов в президенты страны – Жармахан Туяkbай, Алихан Байменов и Мэлс Елеусизов. Материалы «политоновских» круглых столов неоднократно становились основой для публикаций казахстанских СМИ – и просто как информационный повод для репортажей в телевизионном «Информбюро» на 31-м телеканале или в газете «Панorama» и других изданиях, и как основа для проблемных дискуссионных материалов (в основном на страницах оппозиционной прессы).

Первые публичные свободные дискуссии по истории Казахстана для широкой аудитории Нурбулат начал проводить в 1987 г. в Зимнем саду Дома ученых республиканской Академии наук. Тогда, в период «перестройки», в обществе резко усилился интерес к отечественной и мировой истории. Как вспоминал известный казахстанский журналист Ярослав Разумов, он, будучи старшеклассником, с большим удовольствием посещал лекции Н. Масанова, покоренный его невероятной эрудицией и способностью проецировать вокруг себя знания. На одном из заседаний политклуба, проходившего в Вознесенском кафедральном соборе, присутствовавшая журналистка Ирина Утеулина в своей заметке в газете «Ленинская смена» за 30 сентября 1988 г. писала о том, как Нурбулат Масанов блестяще вел дискуссию и буквально покорил зал.

В 1993–1994 гг., работая в КазГУ, Нурбулат создал студенческий дискуссионный клуб для историков и политологов, в который послушать лекции Н. Масанова сбегались студенты и с казахского отделения, и с других факультетов и университетов. Профессор Масанов своим слушателям

давал не просто узкоспециализированные знания, а влиял на их мировоззрение и интеллектуальное развитие. К сожалению, клуб просуществовал недолго. Администрации университета содержание лекций показалось слишком радикальным, не укладывающимся в постулаты, декларируемые официальной политической элитой. А больше всего ее раздражала сама харизматичная личность Масанова, и, то влияние, которое он оказывал на молодежь. Закончилось тем, что студентов стали отговаривать от посещения лекций опального профессора, а потом просто перестали предоставлять аудитории для их проведения.

По прошествии многих лет те, кто слушали его лекции, вспоминали, какой уникальный эффект производили его внутренняя энергия и эрудиция. Общаясь с ним, они четко начинали понимать суть проблемы и происходящих событий.

В конце 2005 г., за год до скоропостижной смерти, Нурбулат Масанов стал директором нового научного центра в Казахстане – Научно-исследовательского института по проблемам культурного наследияnomadov, созданного под эгидой Министерства культуры и информации Республики Казахстан. Он успел разработать долгосрочную стратегию развития специальных научных исследований по проблемам истории кочевой культуры в казахстанском регионе, определить основные направления деятельности нового Института в этой сфере и составить детальную программу его будущей работы. Первой акцией нового Института стали организация и проведение 19–20 декабря 2005 г. в г. Алматы международной научной конференции на тему «Феномен кочевничества в истории Евразии. Nomadism и развитие государства». В ее работе приняли участие крупнейшие зарубежные специалисты-кочевниковеды: А. М. Хазанов (США), И. Н. Крадин (Россия), Ж. Легран (Франция), А. З. Жапаров (Кыргызстан), а также казахстанские ученые.

За 32 года своей научной деятельности он опубликовал около 200 научных и научно-популярных работ, большинство из которых касается истории и культуры nomadov.

Круг научных интересов Нурбулата Эдигеевича был чрезвычайно широк: проблемы материального производства и общественных отношений кочевников-казахов, этногенез казахского народа, история казахских жузов, жизнь и творческая деятельность видных исследователей этнографии казахов. Интересовали его и типология миграций разных народов на территории Казахстана в разные исторические эпохи, состояние науки и высшего образования в Казахстане, основные тенденции социально-экономического и государственно-политического развития посткоммунистических обществ, национальное строительство в Казахстане.

Личность Нурбулата была многогранна, в нем гармонично сочетались и взаимно дополняли друг друга разные ипостаси – ученый, педагог, публицист, пропагандист, политик и общественный деятель. Нурбулат очень увлекался спортом, был фанатом футбола, хоккея, баскетбола, бейсбола и лошадиных скачек. И даже в его хобби проявлялась академическая натура теоретика-исследователя: он скрупулезно собирая и систематизировал многочисленные статистические данные об играх и командах, вычерчивал линии пород собак и скаковых лошадей, испытывая десятки тетрадей своим четким убористым почерком. А потом опубликовал в газете «Время по/All Global» обзорные популярные статьи об истории любимого казахстанского футбольного клуба «Кайрат» и о чемпионате Национальной хоккейной лиги.

Свою миссию Н.Э. Масанов видел в объективном исследовании общественно-исторического процесса, генерации идей и доведении их до сознания широкого круга людей, в надежде, что они, восприняв их, обладая необходимой волей, энергией и ресурсами, смогут претворить их

в жизнь на благо всего общества. При этом он ясно осознавал, что многое из сказанного им вряд ли будет оценено и понято современниками.

Нурбулат Масанов был бескомпромиссным и требовательным человеком в науке и в отношении жизненных принципов. Ему было присуще обостренное чувство справедливости, жесткая непримиримость к любым проявлениям лжи и подлости. Поражало мужество и решительность, с каким он отстаивал правое дело или заступался за честь и достоинство своих друзей, товарищей или коллег. Когда под яростный обстрел национал-патриотической и провластной критики попала деятельность Алматинского представительства гуманистического фонда им. Фридриха Эберта, Нурбулат Масанов обратился с открытым письмом к руководству фонда, в котором писал: «Все эти нападки – совершение надуманные. Деятельность фонда им. Ф. Эберта в Казахстане носит прогрессивный характер, она важна, так как обеспечивает поддержку демократических элементов в жизни нашего общества. В то время, когда в стране продолжается наступление авторитаризма с тоталитарными тенденциями, деятельность фонда Эберта носит стабилизирующий характер для нашего общества».

Вот другой пример. Очевидец тех событий А. Свиридов вспоминал, как Нурбулат Масанов, первым узнав об аресте оппозиционного журналиста Сергея Дуванова по обвинению в тяжком уголовном преступлении, воспринял это как личную трагедию. В тот же день он организовал общественный комитет в защиту С. Дуванова; держал голодовку солидарности, требуя свободу узнику совести; редактировал ежедневные пресс-релизы комитета; организовывал «вечера солидарности» и «Дувановские чтения»; участвовал во всех судебных заседаниях и выступал на многочисленных пресс-конференциях, используя весь свой международный авторитет и связи в международных организациях, чтобы добиться реабилитации товарища.

Когда после вынесения обвинительного приговора у здания Карасайского районного суда началась импровизированная акция протesta против неправосудного решения, и полицейские потребовали назвать организаторов «несанкционированного митинга», Масанов громко сказал: «Организатор – я!». Затем сам открыл дверь полицейской машины и сел на переднее сиденье рядом с инфером в погонах. Его примеру последовали Александр Скрыль и Казис Тогузбаев. В тот же вечер 29 января 2003 г. в Карасайском районном суде на Масанова наложили административное взыскание.

Н. Э. Масанов никогда не преклонялся перед формальными авторитетами как в науке, так и в политике – в этом заключалась его яркая индивидуальность и гражданская значимость. В отличие от широко распространенной практики преклонения перед вышестоящими по рангу, Н. Масанов был способен в равной степени критиковать, оппонировать и отстаивать свое мнение перед именитыми людьми науки и высокопоставленными чиновниками. Он считал для себя возможным высказываться по самым актуальным вопросам, что называется «на острие события», а это требовало принципиальности и гражданского мужества. Вторить конъюнктурному «хоровому пению» вслед устоявшемуся официальному мнению из чувства «стадности» или из желания извлечь политические дивиденды Масанов считал для себя недостойным занятием. Для Нурбулата истинными критериями его отношения к человеку были не занимаемая должность, высокий чин или звание, а его действительные заслуги в своей сфере деятельности, интеллект, честность, принципиальность и порядочность.

Масанов был открытым и внутренне свободным человеком, никогда не приспосабливаясь к обстановке, чужим мнениям и авторитетам. Известный британский тележурналист Бенжамен Рар рассказывал: «Когда я брал интервью у людей в советские времена и позже, в течение периода

независимости, они обычно испытывали большие трудности в преодолении внутренних барьеров и высказывались очень осторожно, чтобы не смутить свою страну и общество. Критику собственной страны они считали непатриотичным, по крайней мере, перед иностранцем и телевизионной камерой. Нурбулат был другим. Он свободно высказывал обо всем и не испытывал беспокойства, указывая на недостатки общества, но я всегда знал, что это был его способ показать свою заботу и преданность стране». Во взаимоотношениях с окружающими людьми Нурбулат был очень лояльным, отзывчивым и щедрым. С ним трудно было поддерживать исключительно профессиональные связи. Его сильный характер, честность, жажда знаний, остроумие, обаяние и невероятное чувство юмора сразу разрушали все барьеры и переводили отношения от деловых к дружеским.

Н.Э. Масанов всегда был лидером и находился в центре общественного внимания. Людей притягивали его глубочайший интеллект и знания, серьезное профессиональное отношение к делу, возможность быстро получить исчерпывающий ответ на свои вопросы. Он готов был бескорыстно, с искренним желанием помочь всем без исключения в решении любых проблем – от научных до бытовых. К его авторитетному мнению прислушивались, заnim шли, веря в его бесстрашие и мужество. Вместе с тем он был очень скромным человеком, старался оставаться в тени, не требовал благодарности, признания, почестей или должностей.

Нурбулата отличали удивительная порядочность и щепетильность, уважительное и деликатное отношение к людям. Подаренное им душевное тепло и свет наполняют смыслом жизнь, оберегают и согревают в трудные моменты испытаний, вселяют веру в торжество интеллекта, добродетели, честности, мужества.

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.М. Хазанов

ВОСПОМИНАНИЯ О НУРБУЛАТЕ МАСАНОВЕ

В октябре 2006 г. все должно было быть, как обычно. С середины 1990-х гг. у меня с Нурбулатом установилась неизменная традиция. Во время моих довольно частых поездок в Алматы он всегда встречал меня в аэропорту и следующий день мы проводили только вдвоем. Обычно мы гуляли по городу, который Нурбулат так хорошо знал и любил, обсуждали различные научные проблемы, совместные проекты и планы, просто разговаривали о всякой всячине. Все дела начинались для меня только через день после приезда. И в тот раз я заранее созвонился с Нурбулатом. Он сказал, что специально отменил поездку в Польшу, чтобы повидаться со мной. Обсудив, что мы будем делать после моего прилета, мы попрощались, сказав друг другу «до скорого». За пятнадцать минут до отъезда в аэропорт я получил известие о его столь неожиданной и трагической смерти, которое никак не укладывалось в голове.

Верить не хотелось и в самолете, вопреки всему, я все еще тешил себя надеждой, что произошла какая-то нелепая ошибка. Но, когда в аэропорту я взглянула на лица встречавших меня людей, последняя надежда испарилась.

На следующее утро состоялись похороны и я услышал много верных, добрых и хороших слов о Нурбулате Масанове – ученом, человеке и гражданине. Дочь президента Казахстана прислала очень теплую и трогательную телеграмму. Жаль, что при своей жизни Нурбулат далеко не всегда слышал такие слова. Но так уж издревле повелось.

Со дня безвременной кончины профессора Нурбулата Масанова прошло уже десять лет и мы постепенно начинаем понимать значение его работ для казахстанской и мировой науки, а также его роль как организатора науки. В наше время узкой специализации Нурбулат был удивительно разносторонним ученым – антропологом и историком, политологом и социологом, да еще иногда и экономистом. И при этом всегда, даже в своих пенаучных увлечениях и хобби, он оставался профессионалом в лучшем смысле этого слова. Каюсь, я иногда посмеивался над его увлечением спортом, особенно теми играми, которые мало популярны в Казахстане, хотя выполняя его просьбу исправно привозил ему соответствующие американские справочники. Но прочитав уже после смерти Нурбулата некоторые его спортивные обозрения, я поразился высокому уровню его компетенции и в этих его увлечениях.

И все же Нурбулат Масанов как учений был в первую очередь антропологом (этнографом) и историком. Мне уже доводилось говорить и писать о том, что в XX в. в Казахстане сложилась яркая и своеобразная школа по изучению кочевников, представленная такими учеными, как А. Букейханов, С. Асфендияров, М. Вяткин, Е. Бекмаханов, С. Толыбеков, В. Шахматов, Э. Масанов-старший, Х. Аргынбаев, М. Муканов и др. Даже в Казахстане далеко не все согласны с моим мнением. Находятся люди, которые считают, что я преувеличиваю достижения этих исследователей. Но как известно, «нет пророка в отечестве своем». Все мы, как ученые, сформировались не на пустом месте. Мы учимся даже на ошибках и упущениях

наших предшественников и должны быть благодарны им за то, что они смогли сделать, работая в нелегких, подчас трагических условиях, как это приходилось делать многим казахстанским ученым в советское время. Критиковать легко, на этом иногда даже делаются научные карьеры. Творить свое и новое – гораздо труднее.

Кстати, научный нигилизм никогда не был свойственен Нурбулату Масанову. Его отличало уважительное отношение к предшественникам и современникам, даже к тем, с которыми он был несогласен. Другое дело, что он был не просто продолжателем лучших традиций казахстанской науки. Он не только подвел итоги и обобщил предыдущие исследования. Он внес огромный вклад в изучение кочевников и этногенеза казахского народа и продемонстрировал, что в специфических природно-экологических условиях Казахстана кочевое скотоводство отнюдь не было ущербным и отсталым феноменом. Напротив, оно было оптимальным видом производящей экономики. Именно оно определило особенности формирования казахского народа и его своеобразной культуры. И никто не описал весь производственный цикл кочевого хозяйства казахов и социальные отношения, возникавшие на его основе, детальнее и лучше, чем это сделал Нурбулат Масанов. Я уже не упоминаю о том, что его исследование ввело еще один гвоздь в столь живучую концепцию кочевого феодализма.

Без постоянного обращения к работам Нурбулата Масанова дальнейшие исследования по истории и проблемам казахских, а также других кочевников евразийских степей, просто невозможны. Но тут имеются определенные трудности технического порядка. Публикация второго издания главной книги Нурбулата Масанова «Кочевая цивилизация казахов», его *opus vitae*, в котором он детально изложил и аргументировал свои взгляды на экономику и особенности функционирования казахского кочево-

го общества, должно стать лишь началом кропотливой и серьезной работы над научным наследием Нурбулата Масанова.

Многие важные статьи Масанова были опубликованы в различных сборниках и периодических изданиях. Зачастую они остаются труднодоступными или просто недоступными для ученых, живущих и работающих в других странах. Переиздание некоторых из этих статей в специальном сборнике представляется мне актуальной задачей. Это сделает труды Масанова не только еще более известными. Это будет большой практической помостью его продолжателям и коллегам.

Но и это еще не все, что надо сделать. Некоторые работы Масанова вообще остаются до сих пор неопубликованными. Приведу один пример, имеющий большое значение для меня лично. Нурбулат исследовал не только кочевое прошлое казахов. Во второй половине 1990-х гг., он более пяти лет отдавал много сил и времени американо-казахстанскому проекту по изучению современного состояния скотоводства в стране. И вклад его в успех этого исследования, вклад не только ученого, но и организатора, трудно переоценить. В частности, он разработал очень оригинальную и детальную анкету, настолько удачную, что ею руководствовались ученые, проводившие полевые исследования не только в Казахстане, но и в других центральноазиатских странах, и даже, уже по своей инициативе, в некоторых регионах Российской Федерации.

Помню, когда Нурбулат привез первый вариант своей анкеты в Медисон, я и мои коллеги в течение двух недель обсуждали ее самым дотошным образом, но в результате добавили и изменили в ней очень немногое. А затем Нурбулат лично организовал и возглавил полевые работы по изучению скотоводства в Казахстане, от западных до южных областей республики. Мы только финансировали, советовали, по возможности участвовали, обсуждали пред-

варительные результаты и выводы. Но основная работа непосредственно легла на плечи Нурбулата. И он с ней блестяще справился.

К сожалению, опубликованы только его некоторые предварительные итоги, большинство материалов нашего совместного исследования до сих пор не опубликованы. По моей инициативе все материалы были переданы казахстанской стороне. Я убежден, что в первую очередь они являются достоянием казахстанской науки. Одно время они хранились в архиве Казахстанского научно-исследовательского института по проблемам культурного наследияnomadov, а где сейчас – не знаю. Будет невосполнимой утратой для науки, если они окажутся утерянными. Я надеюсь, что этого не случится и что они выйдут в свет еще при моей жизни. Я уверен, что если они будут опубликованы, то станут незаменимым научным материалом для всех, кто будет изучать состояние скотоводства в Казахстане в период краха колхозно-совхозной системы и перехода к новым производственно-экономическим отношениям.

Сам Институт являлся любимым детищем Нурбулата в последние годы его жизни. Он мечтал о том, чтобы Институт стал мировым центром по изучению кочевников. С самого начала он настаивал на том, что особенностью Института должно стать комплексное изучение феномена nomadизма. Собственно это уникальное качество, столь редкое в наш век узкой специализации, и отличало его основателя, профессора Нурбулата Масанова. Сохранение и дальнейшая успешная работа этого Института были бы лучшей данью памяти выдающемуся казахскому ученыму, профессору Нурбулату Масанову. Но насколько мне известно, в настоящее время Институт фактически прекратил свое существование и об этом можно только сожалеть.

Нурбулат никогда не замыкался в пресловутой ученой башне из слоновой кости. Он был не только ученым, но и гражданином. Я знаю, что в Казахстане находятся люди,

считывающие его чуть ли не предателем народа, обрусевшим перебежчиком, и т.п. Но это плохо говорит не о Нурбулате, а о них самих. Брань и ярлыки никогда не являлись убедительными аргументами. Нурбулат Масанов всегда был чужд оголтелого национализма, но при этом он был большим патриотом своей страны и своего народа. Может быть иногда он был слишком большим идеалистом, но именно любовь к казахскому народу и беспокойность его будущем определяли его идеализм. Я иногда спорил с Нурбулатом и говорил ему, что Казахстан уже достиг большего, чем остальные центральноазиатские страны, что для демократии нужны многие предпосылки, что он должен быть более точен в своих политических определениях. На это он обезаруживающе отвечал: «Анатолий Михайлович, я хочу, чтобы моя страна была такой же либеральной демократией, как западные страны». И эти его мечты многое говорят о Нурбулате как о человеке и гражданине.

Я очень любил Нурбулата и мне его очень недостает. Размышляя о его жизни и научном наследии, я восхищаюсь тем, как много он успел сделать за свою недолгую жизнь, и думаю о том, как многого он смог бы еще достичь, если бы безвременная кончина не унесла его от нас в самом расцвете его таланта. И от этого становится очень грустно.

Хазанов Анатолий Михайлович – Почетный член Британской академии Профессора антропологии Эрнеста Геллнера, член Лондонского Королевского общества, профессор социальной антропологии в университете Висконсин-Мадисон.

И. В. Ерофеева

КОЧЕВНИК ВО ВСЕЛЕННОЙ

Нурбулат Масанов принадлежит к тем знаковым фигурам, чьи взгляды, убеждения и поступки во многом определяют духовный, психологический и идеиный климат своей исторической эпохи.

В чем же заключался феномен этого человека? Есть такая расхожая фраза: «Все мы родом из детства». Попробуем применить ее к Нурбулату Масанову. Он представитель казахской интеллигенции в третьем поколении. В мировой научно-психологической литературе много пишется о том, что сгусток интеллектуальной энергии проявляется, как правило, именно на этом уровне.

Если мы обратимся к научному наследию казахских интеллектуалов – Чокана Валиханова, Алихана Букейханова, Санджара Асфендиярова, то станет понятно, что это люди, за плечами которых уже стояла определенная научно-познавательная традиция их отцов и дедов. Нурбулат Масанов относился к той плеяде крупных фигур, которые рельефно выделялись среди прочих историков-профессионалов по масштабности интеллектуального потенциала и его практического воплощения.

И Чокан Валиханов, и Алихан Букейханов, и Санджар Асфендияров, будучи учеными крупного масштаба, не

только пытались применить накопленные наукой знания к новому фактическому материалу (например, Казахстана, Восточного Туркестана и других тюркоязычных и пра-ноязычных стран) и внести определенные корректировки в имевшиеся тогда представления об их культуре и истории, они вырабатывали совершенно новые научные концепции и идеи, выполнившие в определенной степени методологическую функцию. Именно поэтому эти знания не стали чем-то скромным и малозначительным, труды вышеназванных ученых до сих пор с большим интересом читаются современным поколением, поскольку они дают почву для серьезных размышлений, для развития тех глубоких многогранных идей, которые надолго переживают своих творцов. Такая же ситуация складывается и с Нурбулатом Масановым. Его вклад в науку (прежде всего в исследование истории и культуры кочевников) заключается в том, что он создал собственные методологические подходы. Поэтому-то его труды и имеют всемирную значимость для науки, что они используются как важный инструментарий, как комплекс серьезных теоретических положений, выводов, которые могут быть применимы к изучению кочевничества в разных точках земного шара.

И есть еще один момент. И Чокан Валиханов, и Алихан Букейханов, и Санджар Асфендияров являются историческими фигурами в первую очередь потому, что они не были исключительно кабинетными учеными, которые изучали только прошедшие эпохи. Нет, это были люди со стройной системой мировоззрения, четкими идеино-нравственными убеждениями и стремлением применить свои идеи и принципы к развитию современного им общества. Они являлись связующим звеном между тем прошлым, которое они изучали, и проживаемой ими исторической эпохой и таким образом как бы пытались соединить своим мощным интеллектом и деятельной натурой историю и современность.

Нурбулат Масанов тоже был пограничной фигурой между прошлым и будущим, которая, вбирая в себя опыт изучения исторического процесса, пытался реализовать на деле свои знания для развития социально-прогнозирующей функции исторической науки. Выявляя закономерности общественного развития и опираясь на глубоко осмысленный большой пласт прошлого казахов-кочевников, который мог накладывать определенный отпечаток на развитие современных тенденций в области экономики, политики и общественных отношений, он указывал в своих статьях и устных выступлениях на такие формы общественной жизни, которые могут быть жизнеспособными и устойчивыми в постиндустриальную эпоху. Но в то же время он, как ученый, предостерегал от тех неудачных экспериментов в сфере экономики, государственной политики и культуры, которые уже проводились в советский период и которые могли оказаться пагубными для развития казахстанского общества. Учитывая уникальность культурно-исторического опыта казахов-кочевников, Н. Масанов, став директором созданного в 2005 году Института культурного наследияnomадов, стремился сформировать в Алматы мировой центр кочевниковедения, который был бы способен органично вписать наше национальное культурно-историческое достояние в наследие мировой истории и культуры.

Мы часто говорим о том, что формирование национальной идентичности связано с развитием исторической традиции. В этом смысле Нурбулат четко различал два понятия – традицию и традиционализм. Первое – это исследование и развитие каких-то важных системообразующих элементов культуры, которые определяют специфический культурный облик того или иного народа, являются в чем-то уникальными. Но всякая традиция становится мертвой, если люди не стремятся сохранить ее внутреннее содержание, а лишь цепляются за давно отжившие социальные

институты, стереотипы мышления и поведения, стандарты культурной жизни. Масанов же выступал за развитие той экзистенции, которая лежит в основе казахской идентичности, но против сковывающих ее заскорузлых и архаичных исторических форм, что не всегда и не все понимали. Это и есть традиционализм, который абсолютизирует и гипертрофирует фактически умирающую форму.

Как уже было сказано, Нурбулат Масанов – историк в третьем поколении. При этом и его дед, и отец были не просто известными учеными, но и идейно последовательными людьми. Эта преемственность была сохранена и в интеллектуальном облике, и в характере Нурбулата. Он пришел в Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахстана в 1976 году после окончания Казахского государственного университета совсем молодым по возрасту, но уже зрелым с точки зрения познавательных интересов и идейных убеждений человеком. Он уже и тогда был внутренне очень свободным, и, естественно, у многих людей вызывало удивление, что вчерашний выпускник мог одинаково непринужденно общаться как со своими сверстниками, начинающими исследователями, так и с метрами исторической науки. Для советских академических учреждений, где существовала строгая иерархия не только формальных рангов ученых, но и паттернов поведения, это было нетипично.

В свои 22 года Нурбулат твердо знал, что будет изучать именно историю кочевников. Научная эрудиция начинавшего ученого поражала, его кандидатская диссертация, посвященная истории налоговой политики царизма в Казахстане, которую он защитил в 1980 году, сильно удивила общепризнанных авторитетов страны тем, что именно здесь был впервые поднят и глубоко исследован вопрос экономических механизмов функционирования российской налоговой системы в Казахстане в дореволюционный период. Но это было только начало пути молодого историка.

Очень скоро Нурбулат Масанов стал работать над комплексом проблем истории и культуры кочевых народов Евразии. Эти проблемы он стремился поставить, рассматривая кочевничество не просто как требующий подвижности способ жизнедеятельности скотоводов, а как целостную систему бытия человеческого общества в аридных природно-климатических зонах Евразии – особого феномена в культурно-историческом пространстве континента. Ранее такого целостного подхода не только к казахам-кочевникам, но и к другим кочевым народам в науке не было. Нурбулат Масанов не просто первым обозначил эти проблемы, ввел определенные понятия и термины, но и детально проследил механизмы адаптации человека к особенностям географической среды в регионе.

В своих работах Нурбулат доказывал, что кочевничество в культурно-историческом смысле представляет собой уникальное явление. Поэтому его докторская диссертация, которую он успешно защитил в Москве в 1992 году, а три года спустя издал отдельной книгой, сразу получила большой резонанс среди историков-кочевниковедов. Крупнейшие номадоведы и этнологи бывшего СССР дали не просто положительные, а превосходные рецензии.

По общему мнению почти всех крупнейших российских и западных ученых-кочевниковедов, важная сторона сделанного Нурбулатом Эдигеевичем состояла в «сокрушительной» (Г. Е. Марков) аргументированной критике классической концепции, определявшей характер общественного строя у казахов, кыргызов и прочих этнокультурных групп номадов Евразии как «патриархально-феодальные отношения». На основе систематизации и углубленного изучения огромного фактического материала, имеющегося в архивных и опубликованных первоисточниках, почти всей доступной в наше время научной литературы по истории и культуре номадов Евразии он детально обосновал идею особого номадного способа

производства. В своей книге и последовавшей за ней серии научных статей он убедительно показал, что кочевой мир представлял собой оригинальный путь исторической эволюции. Поэтому при изучении истории, социальной организации, политической жизни и культуры кочевых народов всех континентов не имеет смысла оперировать понятиями и терминами, заимствованными из знаний о социально-историческом опыте оседло-земледельческих народов. В этом фундаментальном теоретическом положении и заключается важнейшая научная заслуга Н. Э. Масанова, его крупнейший вклад в мировое кочевниковедение.

Совершенно новым явлением для бывшей советской и во многом для зарубежной исторической науки стал эколого-исторический подход к проблеме становления и эволюцииnomадизма во внутриконтинентальной Евразии. Он был тщательно обоснован Масановым на концептуально-теоретическом уровне и основательно апробирован в практике системного изучения истории кочевников Казахстана, включая казахов. Правда, и до него отдельные авторы писали о том, что аридизация климата и вызванные ею изменения природно-географической среды послужили условиями, способствовавшими генезису nomадизма во внутренней части континента. Но Нурбулат Эдигеевич существенно развил эту мысль, установив, что nomадизм не только являлся в прошлом единственно возможным способом приспособления человека к аридной среде, но и во многом определял специфику функционирования системы материального производства, особый тип общественных отношений у кочевников-скотоводов, разнообразные формы их материальной и духовной культуры. Причем очень важно, что он детально рассмотрел адаптивно-адаптирующие механизмы взаимодействия nomадных обществ с их традиционной естественной средой обитания в разные периоды социально-исторического развития степных nomадов, распространив этот концептуальный подход и на

наши дни. В данном контексте важнейшей кардинальной мыслью Масанова, проходящей красной нитью через всю его монографию и более поздние номадоведческие труды, стал вывод о глубокой ошибочности классического тезиса советской и современной историографии о том, что «эволюционное развитие номадизма завершается оседанием». На основе разнообразных фактических, в том числе статистических данных массовых источников конца XIX - начала XX в., он четко установил, что земледельческий труд не был в аридных зонах непременным условием оседания кочевников, а сам этот процесс не получил сколько-нибудь значительного развития среди кочевого населения дореволюционного Казахстана. По его обоснованному утверждению, седентаризация происходила за пределами основного ареала кочевых систем, в так называемых маргинальных зонах и/или в оседло-земледельческих районах.

Совсем по-новому рассмотрены им и принципы социальной организации у евразийских номадов, в первую очередь у дореволюционных казахов-кочевников. Он выявил такой фундаментальный признак общины, как трудовая кооперация в интересах рациональной эксплуатации пастбищ и продуктивного выпаса скота, и достаточно полно охарактеризовал два типа кочевых общин – «минимальный» и «расширенный» – и их разнообразные функции. Большую научно-практическую ценность представляет его исследование генеалогического принципа общественной организации номадов и вытекающих из него таких разновидностей социальных структур кочевого населения Казахстана, как «ассоциативная община» и «военно-патестарная организация». В связи с этим он пришел к серьезному выводу: из-за низкой плотности населения, отсутствия городов и оседлых поселений в номадных ареалах, слабого развития общественного разделения труда у кочевников у них не было развитых форм власти

и государственности. По его верному заключению,nomадный образ жизни оказывал определяющее влияние на домашний быт и материальную культуру кочевников-скотоводов, на развитие их общественного сознания, стереотипы мышления и группового поведения, на характер взаимоотношений с окружающими племенами и народами. Без учета фактора номадизма, справедливо указывал он, изучить, понять и объяснить историю и культуру казахского народа и других бывших кочевых народов континента невозможно.

Вместе с тем Нурбулат Масанов убедительно показал, как кочевое хозяйство экологически вписывалось в аридный ареал, как человек в суровых природных условиях мог не просто приспособиться к ним, но и сформировать особый тип организации хозяйства и общественных взаимоотношений, обеспечивавший определенную гармонию между обществом и окружающей его природно-географической средой. В своих работах он доказывал, что кочевничество представляет собой уникальное явление в информационной системе «общество – природа».

Буквально за два-три года после издания книги о кочевой цивилизации казахов имя Масанова стало известно среди специалистов-востоковедов и в Англии, и во Франции, и в Америке, и в Японии. Он, по сути, стал в научном мире одним из главных авторитетов в этой области. Но судьба распорядилась так, что когда Нурбулат Масанов возвратился после защиты диссертации в Казахстан, зараженный новыми идеями демократического переустройства науки и общественной жизни, казахстанское общество, к сожалению, было еще довольно инертным и во многих отношениях оставалось тогда периферией социально-исторических процессов. А потому многие идеи Масанова воспринимались с трудом научной и политической элитой того времени, которая еще во многом мыслила советскими категориями. Отсюда не совсем адекватное по-

нимание этого человека: для большинства своих соотечественников того времени он был всего лишь возмутителем спокойствия и «радикалом».

Между тем, по отзывам ряда авторитетных зарубежных ученых, Нурбулат Масанов к середине 90-х годов прошлого века по уровню научной зрелости и масштабам научного видения далекого прошлого и общественной жизни настоящего времени заметно опережал подавляющее большинство современных ему ученых. Понимание и признание этого стали приходить лишь в последние годы жизни Нурбулата, когда разбуженные его пламенными призывами и активной гражданской позицией историки и политологи стали использовать многие его идеи и научные подходы, хотя сначала отвергали и не понимали эти концепции, а потому обрушивались на него с гневными нападками. Но сейчас, когда в стране стала интенсивно формироваться новая познавательная и политическая культура, то, оперируя различными инновационными понятиями и терминами, наши современники забыли, что впервые узнали о многих из них из печатных статей и интервью Нурбулата Масанова.

Многие казахстанцы, конечно, задаются вопросом: почему Масанов не стал спокойно заниматься исторической наукой, где так преуспел, а пошел сначала в политологию, а потом – в большую политику? Но дело в том, что таким ярким натурам всегда тесно в тех узких рамках, которые им задает какая-то одна сфера деятельности. Такие люди не могут быть только учеными, только политиками или общественными деятелями, они могут быть всем вместе и в то же время каждым в отдельности. Опять же вспомним Чокана Валиханова, Алихана Букейханова и Санджара Асфендиарова. Невозможно таких многогранных людей с их философско-аналитическим типом мышления вникнуть в какую-то одну узкую стезю. Они в конце концов разрывают все связывающие их путь, чтобы питать сво-

ими идеями другие сферы человеческого бытия. С другой стороны, хорошо известно, что яркие, неординарные личности далеко не сразу и не во всем встречают понимание со стороны современников, свет их неодинаково проникает во все уголки общественного сознания, так как они опережают его по уровню своей интеллектуальной зрелости и оригинальности мышления. Собственно говоря, потому они и являются выдающимися, что видят дальше и лучше других.

Нурбулат Масанов был талантливым полемистом, который в течение почти 20 лет остро и темпераментно отстаивал свои идеальные позиции в многочисленных дискуссиях как с коллегами по профессии, так и с политиками разных рангов. В запале жестких идеологических споров он иногда высказывал резкие суждения и оценки и мог выражать свои взгляды в нарочито категоричной форме. Время от времени он специально прибегал к шокирующему пародиям как провоцирующему средству, чтобы заставить людей глубже размышлять на заданную тему.

Как и любой другой исследователь-аналитик, Нурбулат иногда ошибался в своих прогнозах, но, что важно, всегда признавал свои ошибки и вносил необходимые корректировки в свою прежнюю точку зрения с учетом убедительных аргументов участников интеллектуального спора. В таких дискуссиях он даже по отношению к своим оппонентам, с которыми беспощадно спорил, не испытывал злобных эмоций. Более того, несмотря на то, что некоторые из постоянных критиков являлись его прямыми антагонистами по общественно-политическим взглядам, он уважал мнение этих людей и никогда не переходил на личности ни на страницах печати, ни при непосредственном общении с ними. То, что он обладал редкой для представителей своей профессии смелостью суждений и поступков, составляло едва ли не самую примечательную черту его яркой и колоритной натуры. Это проявля-

лось не только в его способности называть все скрытые и явные явления нашей сложной действительности их настоящим именем, но и в том, чтобы честно и открыто отстаивать свои убеждения перед соотечественниками, не боясь подвергнуться обвинениям со стороны многих из них в «манкуртизме» и других надуманных прегрешениях перед отечеством.

В своей относительно недолгой, но во всех отношениях плодотворной жизни Нурбулат был не просто бесстрашным, но исключительно последовательным и цельным человеком. Переживая многие годы непонимание, гонения и нападки, он никогда не опускался до уровня голословных обвинений и доносов, никогда не отвечал своим гонителям той же монетой. Но когда несправедливо попадали в опалу люди, за которыми никто не стоял, он, несмотря на то, что это могло сильно осложнить его собственное положение в обществе, смело и открыто вставал на их защиту.

Среди всех сколько-нибудь серьезных специалистов-историков, защитивших за последние 20 лет свои кандидатские и докторские диссертации по истории и этнографии дореволюционного Казахстана, очень сложно найти людей, которые бы не обращались к нему за консультациями и советами и не получали в ответ благожелательную компетентную помощь. Нурбулат щедро раздавал всем жаждущим истинного знания свои оригинальные идеи, никак не заботясь о том, что их создателями будут считаться другие люди.

Главная цель научного творчества Нурбулата и его практической деятельности, как я уже сказала выше, – изучение истории и культурыnomадов. Он еще в молодые годы понял, что nomадная цивилизация – это то самое культурное достояние казахского народа, которое способно вызвать в мировом сообществе глубокий интерес и уважение к истории и культуре Казахстана. Он говорил,

что nomадизм – это наш национальный бренд, символ, который придаст казахстанскому обществу неповторимое лицо.

...Скоропостижная кончина от аллергического приступа. Из-за стечения роковых обстоятельств мы потеряли фигуру планетарного масштаба, роль которой в жизни современной казахстанской науки, общественном сознании и культуре трудно передать в адекватных понятиях и терминах. К его суждениям прислушивались и общество, и власть. Он же не преклонялся ни перед каким формальным авторитетом, для него существовало только два авторитета – знание и истина. Им он был верен до конца своих дней.

Ерофеева Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, почетный профессор Международного казахско-турецкого университета имени Ходжа Ахмада Яссави, главный научный сотрудник Международного Центра сближения культур Министерства культуры и спорта Республики Казахстан (под эгидой ЮНЕСКО).

С.А. Панарин

ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Ты честен был в пути своем,
И ты разумен был во всём.
Ты не страшился смелых дел.
Всё постигать был твой удел.

Абай Кунанбаев

С годами человеческая память, как и всё в человеке, стареет и подводит. При этом быстрее и сильнее забывается не то, что не так уж далеко отстоит от момента вспоминания, а наоборот, то, что ближе к давнему времени, когда впечатления были яркими и в память врезались намертво. Я до сих пор помню произительное ощущение весны, пережитое в родном уральском поселке во втором классе, на пути из школы к дому; но ничего сопоставимого по силе восприятия не оставили в памяти многие из красот, увиденных десятилетия спустя в Риме и Лондоне, Париже и Берлине, Дели и Тегеране...

Память о встречах и общении – такая же. Я помню все лица и имена детей с того двора, в котором вырос, помню большинство одноклассников, однокурсников и тех, с кем служил в армии. Однако дальше память всё больше

и больше обезличивается. Дальше, с каждым прожитым десятилетием она становится избирательной, все более экономной и удерживает в себе – все равно, увы, с потерей многих эпизодов, деталей и оттенков, – встречи лишь с теми узнанными в зрелом возрасте людьми, общение с которыми оставляет впечатление сильное, глубокое и, не побоюсь громкого слова, жизнеутверждающее.

Этим ощущением радости и полноты жизни, в особенности ее интеллектуальной составляющей, были окраинены все мои встречи с Нурбулатом Масановым. Мы познакомились в 1992 г., когда мне было 48, ему – 38 лет; он называл меня на Вы и по имени и отчеству, я его – на Вы, но только по имени; тем не менее, я честно могу сказать, что подчас завидовал ему так называемой белой завистью, когда искреннее восхищение человеком переплетается с пониманием, что хоть ты наизнанку вывернись, но до его уровня тебе все равно не подняться, однако понимание это свободно от скрытой неприязни и только усиливает симпатию и эмпатию.

Почему так было? Наверное, немалое значение имело то обстоятельство, что оба мы страдали профессиональной болезнью гуманитариев – постоянной рефлексией и что по результатам её часто обнаруживалось совпадение наших взглядов на недавнее прошлое и на то, что окружало нас в настоящем. Ведь нам, как правило, нравится те, кому нравится то, что нравится нам. Но это «профессиональное родство душ» не было главным, в общении с Нурбулатом эгоизм самоутверждения через обнаружения себя в Другом, видимо, что-то и значил, но был компонентом второстепенным. Главное обаяние этого общения создавалось Личностью.

Сердцевину этой Личности составляла беспощадная мысль – беспощадная в том смысле, что в той мере, в какой это вообще доступно индивидуальной человеческой мысли, она была у Нурбулата свободной от предрассудка,

стереотипа, софизма, зато почти всегда блистала буквально неуязвимой логичностью. Все, кому доводилось с ним спорить, на себе испытали силу его логики; не знаю, читали ли он Декарта и Паскаля, но иногда казалось, что слушаешь человека, органично, по рождению унаследовавшего от того и другого великого представителя французской культуры не сумму представлений, а способ их передачи – предельную остроту и ясность мысли. Понятно, что сражаться с так вооруженным противником было очень уж тяжело, и я не могу вспомнить ни одной дискуссии с его участием, из которой он не вышел бы победителем. Что, с одной стороны, добавляло ему поклонников из числа зрителей, с другой, умножало число недоброжелателей и просто врагов из числа публично потерпевших поражение в споре с ним.

Я мог бы сказать здесь, что, поскольку главным для Нурбулата было найти логически безупречную интерпретацию события или явления, ставшего предметом спора, он, так сказать, целиком был предан поиску истины и потому относился к оппонентам абсолютно безлично. Но сказать так – как раз погрешить против истины. Нурбулат был, если можно так сказать, интеллектуально партийным человеком. Выражалось это в том, что любая плоская, робкая, трафаретная мыслительная конструкция, любая попытка подменить собственную мысль идеологемой или популярным мифом – или тем, что Нурбулату представлялось идеологемой и мифом – вызывали у него как раз очень личное отношение к тому, кто пользовался такими конструкциями, прибегал к таким попыткам. Тогда он мог приправить свою аргументацию сарказмом, быть даже резким.

На себе я испытал нечто обратное, но из той же «оперы». Был у нас с ним спор, в ходе которого я отстаивал то, что Нурбулат считал проявлением своего рода мыслительного обскурантизма. И поскольку он воспринимал меня

человеком свободно мыслящим, это оказалось для него не просто неприятной неожиданностью: он выглядел глубоко расстроенным, охваченным примерно таким же чувством обиды, как у подростка, внезапно обманутого лучшим другом. Но то была обида, обращенная внутрь, не на меня, переживание, мною вызванное, но на его отношении ко мне никак не сказавшееся. Более того, он свернул спор, в чем я, в самое сердце пораженный такой его чистой, такой детской реакцией, конечно, его поддержал; между тем, я и тогда знал, и сейчас уверен, что продолжи он наши дебаты, я был бы разбит на голову.

В тот раз, пожалуй, впервые мне открылась еще одна черта Нурбулата, привлекавшая к нему, как мне кажется, всех людей, сохранивших хотя бы толику непосредственности. Черту эту я назвал бы даже не детскостью, а «пацанством». Начавшееся с 1964 г. и достаточно частое общение с людьми, что социализировались в дворовой среде крупного советского города в его специфическом казахстанско-среднеазиатском варианте, убеждает меня в том, что в этой среде слово «пацаны» было очень многозначным. И его важной частью являлось неявное, но действенное представление о том, что объединяемые этим словом подростки должны следовать некоему нормативному кодексу поведения, в котором важное место занимают коллективизм, верность мужской дружбе и физическая доблесть – и одновременно обязанность самому отвечать за себя и близких, не обижать слабого и не пасовать перед сильным.

Очень может быть, что все это мои домыслы, что на самом деле в становлении личности Нурбулата главную роль сыграла семья, в особенности отец, погибший, когда пытался спасти тонущего человека. Но всё-таки, когда я вспоминаю его реакцию на мой «предательство», вспоминаю, каким он, из-за своей астмы лишённый возможности играть самому, был страстным футбольным и хоккейным

болельщиком и, самое главное, каким он был бесстрашным не только в мыслях и словах, но и в поступках, мне всё время кажется, что и «нацанская» субкультура наложила на него отпечаток. Благодаря ей он не затворился в башне из слоновой кости, место в которой ему гарантировали и происхождение, и образование, и сила таланта. Он жил всей полнотой жизни, он вокруг себя создавал эту атмосферу полноты жизни и щедро делился ею с теми, кто жизнь любит в ее простых, первичных, человеческих проявлениях, а не зациклен на власти, статусе, потреблении. Эта не имеющая национальной прописки общечеловеческая способность, столь свойственная ему, несмотря на его ярко выраженную индивидуальность, давала ему право называть себя в спорах с узколобыми националистами космополитом. Но в то же время он был достойнейшим из казахов, потому что в нем в значительной мере вживе воплотился идеал человеческого достоинства, сформулированный для согражданников великим Абаем:

«Есть у нас в народе выражение: “Доблестное сердце”. Знай, что такое сердце не совместимо с обманом и хвастовством. Человек, обладающий сердцем, быстро оправляется от несчастья. Он не идет, как собака, за караваном. Он сам поворачивает заблудившихся лошадей на истинный путь. Он покоряется, но покоряется тому, что справедливо для разума. И трудна ему иногда эта покорность. И он не покоряется тому, что не выдерживает испытания разумом. Вот истинное сердце. Это львиное сердце, это то, что казахи называют “журекты”».

Нанарин Сергей Алексеевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН.

Н. Н. Крадин

ПАМЯТИ ДРУГА

С именем Нурбулата Масанова я соприкоснулся в 1985 г., когда заканчивал университет. Я пришел в «Белый дом» – так называлась библиотека Иркутского государственного университета для просмотра новых поступлений и обнаружил на полке небольшую по объему книгу, которая сразу привлекла мое внимание. Это была монография Нурбулата Масанова «Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков» (1984). Меня поразил подход автора. Он попытался посмотреть на кочевой мир с точки зрения экологии, что до него в нашей науке с такой глубиной осмыслиения материала не делал ни один исследователь.

Прошло два года и я познакомился с автором лично. Это произошло во время крупного международного симпозиума, посвященного взаимодействию кочевого и земледельческого миров, который состоялся в Алма-Ате в октябре 1987 г. Это был первый крупный международный симпозиум, в котором я участвовал, и он мне дал мне очень много нового. Я лично познакомился с некоторыми грандами кочевниковедения, установил коммуникации со многими коллегами по цеху, нашел немало близких друзей.

Одним из них был Нурбулат Масанов. Между нами сразу пробежала какая-то искорка. Мы обмениались книгами (к тому времени я подготовил первую работу по историографии кочевничества, которая была депонирована; как ни странно, на нее ссылаются и по сей день) и договорились поддерживать наши связи в дальнейшем. Следующая наша встреча состоялась в Москве, где Нурбулат был в докторантуре. Кто бы мог подумать, что следующий раз мы увидимся спустя 15 лет и к тому моменту будем гражданами различных государств.

Несмотря на то, что судьба разбросала нас по разным странам, мы старались хотя бы вкратце быть в курсе личных дел, обменивались новыми выпущенными книгами. Как только вышла моя напутневшая книга «Кочевые общества» (1992), я постарался найти канал, чтобы переправить ее Нурбулату. Через несколько лет он отдал меня «Кочевой цивилизацией казахов» (1995). Книга настолько потрясла меня, что я написал на нее рецензию, которая была опубликована в 7 номере журнала «Вопросы истории» за 1999 г.

К этому времени изменилась политическая обстановка в нашей стране и у меня установились тесные контакты с А.М. Хазановым, который регулярно меня информировал о состоянии дел у Нурбулата, поскольку тесно общался с ним, бывая в Казахстане. В 2005 г. я получил от Нурбулата письмо. Он сообщал мне, что стал директором нового, только что созданного института по истории кочевников. Я был искренне рад за него. Сейчас стало модно, чтобы научными институтами руководили менеджеры. Это полная глупость. Коллективами ученых должны руководить научные лидеры, которые видят горизонты развития знания и могут направить своих коллег на решение круиных задач.

Нурбулат Масанов был именно таким генератором идей. Он внес выдающийся вклад в теорию кочевничества,

сформулировал принципиально новый подход к изучению обществ кочевников-скотоводов и обосновал с экологической точки зрения теорию особого пути социальной эволюцииnomадизма. Его пассионарность заразила многих. Вместе с коллегами он создал первый принципиально новый учебник по истории Казахстана, полный свежих идей и подходов. Он стоял у истоков молодой политической науки Казахстана и внес принципиально важный вклад в политическую антропологию посттрадиционных обществ. Нурбулат Масанов был полон планов и у института были огромные перспективы...

Вне всякого сомнения, после его ухода казахстанская наука потеряла самого выдающегося кочевниковеда XX столетия. Это была огромная утрата и для мировой науки, для всех его сторонников и друзей. Горечь утраты близких невосполнима. Прошло уже более десяти лет, а в это просто не хочется верить. Я помню все строчки, которые написал в тот черный для всех нас день.

«У меня нет ни слов, ни чувств, чтобы выразить ту прощность, которая щемит в груди...»

Кажется, еще вчера мы гуляли по парижским улочкам, строили новые планы, обсуждали будущие совместные книги, делились идеями. А теперь голову разрывает пронзительный надрыв из «Манины времени»:

«Это злая судьба, если кто-то опять не допел и кого-то хоронят».

Он действительно не допел...

Почему такая несправедливость, почему от нас уходят самые талантливые, самые порядочные, самые светлые из нас.

Он был самым чутким и острее многих чувствовал несправедливость.

И вот теперь его с нами нет...

Прости, дорогой Нурбулат, если в чем-то мы были неправы.

Прости врагов, ты был выше всех их, а вечность все расставит по своим местам...

Прости нас, друзей, если мы были временами равнодушны, в суматохе суеты забывали о главном – о редком даре человеческого общения...»

Уже более десяти лет с нами нет Н. Э. Масанова. Но его книги и статьи по-прежнему цитируются и востребованы научным сообществом.

Крадин Николай Николаевич – член-корреспондент РАН. Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток.

С. С. Савоскул

НУРБУЛАТ ЭДИГЕЕВИЧ МАСАНОВ

(20.04.1954 – 05.10.2006)

Несколько дней тому назад до меня с большим (почти в три месяца) запозданием дошла скорбная весть о бессменной кончине Нурбулата Масанова. И с того времени меня не покидали мысли о нем.

В его лице отечественная этнология потеряла талантливого ученого, внесшего свой заметный, оригинальный вклад в нашу науку. Несомненно, он еще многое мог бы сделать – жизнь Нурбулата Эдигеевича оборвалась в пору его наивысшего творческого подъема. Но не в меньшей мере с его уходом мы лишились большой, смелой, обаятельной личности, какие не так уж часто встречаются на нашем земном пути.

К сожалению, мне не довелось с ним много общаться, хотя я, конечно, не мог не заметить Нурбулата еще во время его докторантуры в нашем институте. Да и невозможно было не обратить внимания на этого обаятельного, активного, открытого, увлекающегося человека. Бросалась в глаза и его внешность. Он был высокий, плотный, с густой черной шевелюрой. Облик его лица определяли искрящиеся, умные глаза за стеклами очков и немногого смешные усы.

Но самое главное, что в нем было, – это, конечно, его живой, блестящий ум. В ту пору (в конце 1980-х - начале 1990-х гг.) мои научные интересы были далеки от того, чем занимался Нурбулат. Однако и до меня доходили слухи о его оригинальных, правда, по мнению некоторых, не во всем бесспорных теориях эволюции кочевого казахского общества.

Нурбулат Эдигеевич Масанов родился в 1954 г. в Караганде. Его отец – известный казахский этнограф – погиб, спасая тонувшую сотрудницу своего отряда. Нурбулату в то время было всего 11 лет. Отец всю жизнь был для Нурбулата, как он сам пишет, недостижимым идеалом, символом высокого служения науке. Большое влияние на интересы и формирование личностных качеств будущего ученого оказала его мать – Сауле Мусатаевна Ахинжанова, ее отец – Мусатай Бекбулатович Ахинжанов и брат – Сержан Мусатаевич – оба известные казахские историки. Естественно, что выходец из такой семьи тоже окончил исторический факультет Казахского государственного университета. В 1980 г. Нурбулат стал кандидатом исторических наук, защитив диссертацию по теме «Налоговая политика царизма в Казахстане в 20–60-х гг. XIX в. (социально-экономический анализ)». В 1976–1986 гг. он работал в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахстана, пройдя путь от лаборанта до старшего научного сотрудника, в 1986–1988 гг. был ученым секретарем отделения общественных наук республиканской АН. В 1989–1991 гг. Нурбулат учился в докторантуре Института этнографии АН СССР, где в 1992 г. защитил докторскую диссертацию «Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты иномадизма», которая в 1995 г. была опубликована. Эта работа является весьма фундированым и оригинальным исследованием, посвященным особенностям формирования

и жизнедеятельности кочевого общества казахов, сложившегося в специфической аридной природной среде. В историко-экологическом ключе автор предлагает и свою концепцию этногенеза и этнической истории казахов. Работа основана на большом круге разнообразных источников, а также на великолепном знании как отечественной, так и зарубежной литературы. В целом за 30 с небольшим лет своей научной деятельности Нурбулат Эдигеевич опубликовал более 150 научных и научно-публицистических работ и учебных пособий.

Как мне кажется, в жизни и в научной деятельности Нурбулату была чужда осторожность и расчетливость. Как человек увлекающийся и смелый, он зачастую высказывал идеи и мнения, вызывавшие неприятие окружающих и острую критику в его адрес. Так, к примеру, будучи яростным противником любого национализма, он накануне распада СССР и в постсоветские годы открыто выступал с критикой многих социальных мифов нашего времени, порождающих всякого рода ксенофобии. В частности, он категорически не соглашался с широко распространенной среди казахской интеллигенции идеей о целенаправленной русификации казахов, якобы проводившейся в годы советской власти при помощи интенсивного индустриального и сельскохозяйственного освоения Казахстана. По его мнению, сторонники этой идеи путали следствие с причиной – советское государство прежде всего осуществляло на казахстанской земле, как и в других регионах страны, свои стратегические задачи по индустриализации и модернизации единого для СССР народного хозяйства, что, естественно, вызывало также те или иные социально-этнические изменения. Большой и далеко не однозначный отклик получила в свое время его статья «Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество», в которой он с присущей ему смелостью, поднял до этого закрытую тему

о роли в политической жизни Казахстана групповых ассоциаций и лояльностей, основанных на традиционной (или таковой признанной) сегментации казахского общества.

Впервые по-настоящему мы с ним сблизились во время работы одной из ежегодных шанинских конференций «Куда идет Россия», где-то в первой половине 1990-х гг. К тому времени научные интересы Нурбулата, как и многих отечественных этнологов, явно сместились в сторону животрепещущих проблем, вызванных распадом Союзного государства и образованием на его месте новых суверенных республик. Его интересный, смелый доклад, а также выступления в дискуссиях (особенно в связи с критическим по отношению к тогдашнему российскому социально-политическому режиму докладом П. В. Волобуева) ясно показали, что его не заворожили ни националистический угар, почти поголовно охвативший в те годы интеллигенцию (особенно гуманитарную) титульных народов бывших союзных республик и автономий, ни широко распространившийся вульгарно-популистский антисторицизм в оценке советского наследия, на котором многие из наших коллег делали тогда себе новую «научную» и политическую карьеру. Он сохранил и публично продемонстрировал трезвый, взвешенный взгляд как на недавнее советское прошлое, так и на социально-политические трансформации в родном Казахстане и в других бывших союзных республиках, в одновремь ставших новыми суверенными государствами. Во время тогдашнего недолгого общения с ним меня то и дело невольно охватывала радость от сознания того, что и в нашем научном цехе встречаются столь умные и блестящие собеседники, столь свободные по мыслям и духу люди. Видимо, бесстрашие в Нурбулате было от отца. Но проявлять его ему пришлось в совершенно других условиях и по другим поводам.

В середине 1990-х гг. мне довелось участвовать в полевой работе в Северном Казахстане в рамках россий-

ско-американско-казахстанского проекта по изучению этнополитической ситуации в этом постсоветском государстве. Официально казахстанскую сторону представлял Казахский государственный университет, а реально Нурбулат, бывший в то время профессором в нем. Из-за какой-то недоговоренности руководителей проекта с высоким начальством в Алма-Ате (тогда еще казахстанской столицы), так и не подтвердившим областной администрации договоренность о работе нашего отряда (а всего по Казахстану их было четыре), мне с Ириной Субботиной пришлось не только прекратить уже начавшийся массовый опрос, проводимый с помощью студентов местного университета, но и побеседовать с начальником областного комитета национальной безопасности. Одним из главных обвинений в наш адрес, прозвучавших из уст невысокого моложавого казахского генерала, сидевшего в кресле на фоне развернутого флага республики и портрета Назарбаева («Поймите меня, я здесь на страже безопасности нашего государства и нашего президента», – сказал он), было то, что мы – представители иностранного, хотя и дружественного государства – собираем важную информацию для третьей, американской стороны. На мою реплику о том, что это обычное социологическое исследование, в котором к тому же на равных участвуют и казахстанские учены, в частности профессор Масанов, генерал раздраженно воскликнул: «Знаем мы этого Масанова!»

Эти слова генерала КНБ приоткрыли для меня те весьма не простые обстоятельства, в которых приходилось работать Нурбулату. Мы-то, хотя и не совсем по своей воле, но, в конце концов, вернулись в нашу «дружественную» Казахстану страну, а ведь он остался на родине под пристальным вниманием властей новой суверенной державы, а для этого нужно было подлинное, постоянное мужество.

Спустя еще несколько лет, летом 1999 г., мне посчастливилось провести несколько дней у Нурбулата дома,

в Алматы. Тогда же я познакомился с его милой, красивой и умной женой Лаурой. Нельзя было по-хорошему не завидовать, глядя на эту удивительно гармоничную пару. По всему было видно, что она была и верным другом, и помощником Нурбулата, и вообще играла огромную роль в его жизни.

В тот год я завершал сбор материалов для своей будущей книги по проблемам русского населения стран нового российского зарубежья и отправился для этого в командировку в Алматы и Бишкек. Помимо прочего я планировал провести опрос экспертов на эту тему и заранее договорился с Нурбулатом, что он мне в этом поможет. Из Алматы я дважды ездил в Бишкек, где в аналогичной работе мне содействовал наш бывший аспирант Абдалабек Асанканов, ставший к тому времени заведующим кафедрой Киргизского государственного университета. А возвращаясь в Алматы, я жил то у Нурбулата, то у своего однокурсника по МГУ Казихана Биржанова.

Помню, с каким интересом Нурбулат пересказывал мне нередко пространные ответы экспертов на составленные мной вопросы и азартно предвосхищал возможные направления анализа полученного материала. Сожалением признаюсь, что я не оправдал всех его ожиданий, использовал в книге далеко не все из тех многообразных данных, которые были тогда получены, отложив до лучших времен более глубокую и многогранную их интерпретацию. Но этого времени так и не дождался – довольно обычная судьба многих научных начинаний.

Помимо обсуждения нашей совместной работы, мы много и увлеченно беседовали и на другие, в том числе личные темы. Нужно сказать, что к этому времени профессора Казахского государственного университета Нурбулата Масанова, не скрывавшего своего неприятия установившегося в стране социально-политического режима и изрядно надоевшего самому высокому республи-

канскому начальству своими смелыми и умными устными и письменными оппозиционными выступлениями, «отставили» от университета. Для этого воспользовались тем, что он на какое-то время уехал читать лекции в Сорbonnu, конечно, договорившись с коллегами, что те подменят его на это время. А когда он вернулся на родину, его уволили за прогулы.

Если мне не изменяет память, этому предшествовало предложение важного места в администрации президента республики. Дорожа прежде всего независимостью и возможностью публично высказывать свое мнение, Нурбулат, конечно, от этого предложения отказался. Его стали уговаривать, а однажды даже надолго заперли в кабинете, сказав, что не выпустят, пока он не напишет заявление о желании получить предлагаемую ему должность. Просидев несколько часов, он, в конце концов, решил, что делать нечего, и написал то, что от него хотели. Но когда вернулся домой и рассказал об этом жене, она его пристыдила – мол, если ты и впрямь на это согласишься, то потеряешь свое лицо, ты станешь уже другим человеком, не тем Нурбулатом, которого знают люди. Устыдившись своей временной слабости, он позвонил тем, кто вынудил его написать заявление, и сказал, что он сделал это не по своей воле и поэтому от него отказывается. «Они бы были рады, если бы я уехал из Казахстана», – говорил он мне. «Но не дождутся. Это мой дом, моя родина, мне здесь интересно, я тут нужен. И я никак не уеду».

Увольнение из университета такого интересного ученого и человека, как Нурбулат Масанов, несомненно, нешло на пользу его студентам, да и университет, конечно, от этого лишь проиграл. Но сам Нурбулат продолжал интенсивно работать, оставаясь все эти годы (с 1998 по 2006 гг.), как он определял свое положение в республике, независимым аналитиком, и одновременно – визитинг-профессором Высшей школы социальных исследований Франции.

За 1990-е гг. он стал одним из самых известных казахстанских политологов, активно участвовал в проектах по современным этносоциальным проблемам Казахстана и других постсоветских республик Центральной Азии, в том числе с российскими учеными – сотрудниками Института этнологии и антропологии и Института востоковедения РАН, писал статьи, ездил на международные конференции, был членом редколлегии международного журнала «Центральная Азия и Кавказ», российского журнала «Вестник Евразии», принимал участие в правозащитном движении. Он был одним из основателей и учредителей общественной организации «Международный фонд интеллектуальной поддержки реформ в Казахстане и Центральной Азии».

После встреч в 1999 г. с Нурбулатом в Алматы я его больше не видел, но знал, что он подготовил альтернативные официальным учебники по истории Казахстана и Центральной Азии, издал сборник своих статей по этнополитическим проблемам постсоветского развития республики, участвовал в международных проектах по вопросам кочевничества на примере народов Центральной Азии, одним из инициаторов которых был Анатолий Хазанов. Последним делом его жизни была организация Института номадологии (у него несколько другое, пространное название, но суть в этом), директором которого он стал в 2006 г. Он решил отойти от политологии, видимо, уже несколько его разочаровавшей, и в основном посвятить себя проблеме, которая в свое время создала ему имя в этнологической науке и которой он в той или иной мере продолжал заниматься и в пору своего увлечения современными актуальными этнополитическими проблемами. Поздней осенью 2006 г. институт организовал свою первую международную конференцию по кочевничеству, и так случилось, что ее открытие совпало с похоронами Нурбулата Эдигеевича. Организацию их взяла на себя ал-

матинская мэрия, а проводить его в последний путь пришли тысячи людей, отдавшие дань памяти одному из лучших сыновей многонационального народа Казахстана.

Еще трудно примириться с мыслью, что больше никогда не увидишь этого умного, обаятельного, бесстрашного человека, но в утешение остается благодарность судьбе за то, что она милостиво свела нас с ним.

Этнографическое обозрение. 2007. № 4.

Савоскул Сергей Сергеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

ЛИТЕРАТУРА О Н. Э. МАСАНОВЕ

1. Масанов Нурбулат Эдигеевич // Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Масанов,_Нурболат_Эдигеевич
2. Масанов Нурбулат Эдигеевич // Кто есть кто в Казахстане: Биографическая энциклопедия/Сост. Ашимбаев Д.Р. – Алматы: ИД “Credo”, 1995. – С. 218; 1997. – С. 327–328; 2022. – С. 739.
3. Guide to Scholars of the History and Culture of Central Asia | Harvard Central Asia Forum. Cambridge, Massachusetts, 1995. – Р.
4. Масанов Нурбулат Эдигеевич // Алматы: энциклопедия / Ауэзов Е.К., Канаева Г.С. – Алматы: 2009. – С. 251.
5. Масанов Нурбулат Эдигеевич // Біздің элита. Наша элита. 2-том. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – С. 184–185.
6. Нурбулат Масанов – президент Казахстанской ассоциации политической науки. Точка зрения (комментарии) // Политическая наука в Казахстане. Состояние дисциплины / Д. Сатпаев. – Алматы: ARG, 2002. – С. 139–143.
7. Нурбулат Масанов // Политическая мысль суверенного Казахстана: динамика, идеи, оценки. Монография. А. Е Чеботарев. – Астана – Алматы: ИМЭП

при Фонде Первого Президента, 2015. С. 129–133; 28–231.

8. Савоскул С.С. Нурбулат Эдигеевич Масанов (20.04.1954–5.10.2006) // Этнографическое обозрение, № 4, 2007. – С. 188–191.
9. Вклад Н. Э. Масанова в изучение историиnomадизма. Стенограмма круглого стола // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф. Алматы, 21–23 ноября 2007 г. / Под ред. Л. Е. Масановой, Б. Т. Жанаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. С. 247–255.
10. Байпаков К.М. Н.Э. Масанов и этнографическая наука // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: Сб. мат-лов науч.-практ. конф. / Под ред. Б. Т. Жанаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2009. С. 6–7;
11. Жапаров А. З. Слово о коллеге // Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. мат-лов науч.-практ. конф. / Под ред. Б. Т. Жанаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2009. С. 8–9;
12. Ерофеева И. В. Нурбулат Эдигеевич Масанов: учений и личность // Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сб. мат-лов науч.-практ. конф. / Под ред. Б. Т. Жанаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2009. С. 10–21;
13. Fourniau, V. Nurbulat Massanov, le chercheur et le débatteur // Le Kazakhstan en mutation: Les steppes kazakhes entre colonisation et soviétisation (1800–1920) / Ministère des Affaires étrangères et du Développement international. IFEAC; Sous la direction de C. Poujol. – Bishkek-Paris: Editions Petra, 2014. – P. 11–18.
14. Eroféeva, I. Dédicace à Nurbulat Massanov // Le Kazakhstan en mutation: Les steppes kazakhes entre colonisation et sovietisation (1800–1920) / Ministère des Affaires étrangères et du Développement international. IFEAC ; Sous la direction de C. Poujol. – Bishkek-Paris: Editions Petra, 2014. – P. 19–26.

15. *Дырдина Г.* Прерванный полет: О церемонии прощания с политологом Н. Масановым // Республика. Деловое обозрение. 2006, 13 октября (№ 25). – С. 5.
16. *Ерофеева И.* Кочевник во Вселенной: Памяти Н. Масанова // Казахстанская правда. 2006. – 11 ноября. – С. 4.
17. *Жалмырза Д.* Как Казахстан проживет без Нурбулата?: О церемонии прощания с известным политологом и ученым Н.Э. Масановым // Азат, 2006. – 12 октября. (№ 36). – С. 3–4.
18. *Касенов Ф.* Нурбулата надо читать между строк // Алма-Ата ИНФО. – 2006. – 13–19 октября (№ 22). – С. 4.
19. *Верк В.* Он был ближе всех к Истине... // Время. – 2006. – 12 окт. (№ 40). – С. 15.
20. *Воевод В.* Какой светильник разума угас // Алма-Ата ИНФО. – 2006. – 10–16 ноября (№ 26). – С. 1, 6.
21. *Свиридов А.* Памяти Нурбулата Масанова (1954–2006) как публициста и новсмейкера казахстанских СМИ // Законодательство и практика СМИ Казахстан, 2006, ноябрь. № 11.
22. *Күшкүмбаев А., Разумов Я.* Слово о Нурбулате// Интернет-газета. Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zonakz.net/articles/39565> (дата обращения 01.11.2011).
23. *Татиля К.* Нурбулат. Год назад не стало Н. Масанова // Политика. KZ. 2007, 10 октября. С. 5.

ПУБЛИКАЦИИ Н. Э. МАСАНОВА

МОНОГРАФИИ

1. Налоговая политика царизма в Казахстане в 20-60-е годы XIX в. (социально-экономический анализ). Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1980. 23 с.
2. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков / Н.Э. Масанов; Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН Каз.ССР; отв. ред. Х.А. Аргынбаев. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 176 с.
Содерж.: Предисловие. С. 3–13; Глава 1. С. 14–24; Глава 2. С. 25–94; Глава 3. С. 95–140; Заключение. – С. 141–144; Список сокращений. – С. 145–146; Примечания. С. 147–175.
Рец.: Марков Г. Е. // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 127–129.
3. Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспектыnomадизма. Автореф. дисс. ...докт. истор. наук. М., 1991. 47 с.
4. Казахстан между прошлым и будущим / Н. Масанов, Н. Амрекулов; – Алматы, МГП «Берен», 1994. – 207 с.
Содерж.: От авторов. С. 3; О книге и ее авторах. –

С. 4–5; Глава 1. Путь к рынку. С. 6–70; Глава 2. Путь к демократии. С. 71–111; Глава 3. Путь к гражданскому миру. – С. 112–154; Глава 4. Казахстан и мировое окружение. С. 155–164; Глава 5. Реформационный потенциал казахстанской интеллигенции. С. 165–179; Глава 6. Казахстан в историческом прошлом. С. 180–188; Глава 7. Казахстан на перекрестке культур. С. 189–195; Вместо заключения. С. 196–200; Список работ авторов, опубликованных за последние два года в республике и за рубежом. С. 201–203; Summary. С. 204.

5. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности nomадного общества / Н. Масанов. – Алматы: Социнвест – М.: Горизонт, 1995. – 320 с.
Содерж.: Введение. С. 3; Часть 1. Система материального производства. С. 21; Глава 1. Кочевничество и среда обитания. С. 21–46; Глава 2. Природа и кочевое население Казахстана. С. 47–63; Глава 3. Сфера материального производства. С. 64–85; Глава 4. Производственный цикл. С. 86–113; Глава 5. Закономерности организации процесса производства. С. 114–130; Часть 2. Система общественных отношений. С. 131; Глава 6. Социальная организация. С. 131–159; Глава 7. Производственные отношения. С. 160–187; Глава 8. Социальная структура общества и формы эксплуатации зависимого населения. С. 188–212; Глава 9. Стадиальная идентификация кочевого общества. С. 213–237; Экология и этническая история кочевников-казахов (Вместо заключения). С. 238–247; Таблицы. 248–261; Список литературы. С. 262–316; Список сокращений. С. 317–318.
Рец.: Марков, Г. Е. // Этнографическое обозрение. – 1996. № 5. С. 142–147; Басилов В. И. // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 147–150; Крадин И. Н. // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 167–168.

6. **Этнополитический мониторинг в Казахстане. Результаты этносоциологического исследования в Алматы, Петропавловске, Уральске, Усть-Каменогорске и Шымкенте// Н.Э. Масанов и др.; Центр мониторинга межэтнических отношений, Международный фонд «АРКОР».** – Вып. 1. Осень 1995 года; Вып. 2. Зима 1996 г.; Вып. 3. – Алматы, 1996.
Содержж.: Обзоры; Данные анкетирования; Приложение.
7. **Положение этнических меньшинств в суверенном Казахстане / Фонд им. Фридриха Эберта. Центрально-Азиатский проект.** – Алматы, 1997. 80 с.
8. **Казахстан. Модель этнологоческого мониторинга / Н. Масанов, И. Савин.** Центр по изучению и регулированию конфликтов Института этнологии и антропологии РАН. Международный проект «Этничность, конфликт и согласие» по программе ЮНЕСКО «Управление общественными трансформациями». – М., 1997. 128 с.
Содержж.: О модели этнологоческого мониторинга. – С. 4–8; Категория 1. Среда и ресурсы. С. 9–18; Категория 2. Демография и миграция. С. 19–29; Категория 3. Власть, государство и политика. С. 30–46; Категория 4. Экономика и социальная сфера. С. 47–59; Категория 5. Культура, образование, информация. С. 47–59; Категория 6. Контакты и стереотипы. С. 96–109; Категория 7. Внешние условия. С. 110–124; Структура модели этнологоческого мониторинга. С. 125–128.
9. **The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan /Nurbulat Masanov, Erlan Karin, Andrei Chebotarev, Natsuko Oka / N. Oka (ed.) / Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization, – Chiba, Japan, 2002.** – 160 р.

Contents: Back Cover; Preface.; Chapters 1 Perceptions of Ethnic and All-National Identity in Kazakhstan; 2 The Policy of Kazakhization in State and Government Institutions in Kazakhstan; 3 Nationalities Policy in Kazakhstan: Interviewing Political and Cultural Elites; Differences among and within the groups. Possible area of compromise. List of interviewees. Sample of the questionnaire. References.

10. **История Казахстан: народы и культуры: Учебное пособие / Н. Э. Масанов и др.; ред. Т. П. Казаникова.** – Алматы: Даик-Пресс, 2001. 600 с. + вкл. 28 с.
Содержж.: Предисловие. С. 5–8; Часть 1. История и этнокультурное развитие традиционного общества в Казахстане в дореволюционную эпоху. С. 9; 1.1. Территория и природно-климатические условия. – С. 10–18; 1.2. Этнокультурные процессы на территории древнего и средневекового Казахстана. С. 19–56; 1.3. Этногенез и этнический состав казахов. С. 57–83; 1.4. Казахи: народ и культуры. С. 84–112; 1.5. Казахское ханство и власть в традиционном обществе казахов. С. 113–190; Часть 2. Формирование мультикультурного и полигнического состава населения Казахстана. С. 191; 2.1. Миграционные процессы на территории Казахстана в дореволюционный период. С. 192–256; 2.2. Казахстан в советском тоталитарном пространстве: историческая динамика. С. 257–366; 2.3. Миграционные и этнодемографические процессы в советский период. С. 367–419; 2.4. Динамика численности и география расселения народов Казахстана. С. 420–563; Географический указатель. С. 564–582; Сокращения. С. 583–584; Приложение. 585; Таблицы. С. 586–597.
Рец.: Ирмуханов Б. Этногенез в «интегрированной истории Казахстана»: замыслы и реалии // Мысль. – 2002. № 10. С. 17–26.

- 11. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана //** Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева; отв. ред. Р.Крумм. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 296 с.
Содерж.: Предисловие. С. 3; От авторов. С. 6–10; Глава 1. Мировосприимающее сознание и его суггесторы. С. 11–51; Глава 2. Мицологизация проблем этногенеза казахского народа и казахской номадной культуры. С. 52–131; События и люди Казахской степи (эпоха позднего средневековья и нового времени) как объект исторической ремистификации. С. 132–224; Глава 4. Инерция мифотворчества в освещении советской и постсоветской истории Казахстана. С. 225–291.
Рец.: Акимбеков С. Мифы в нашей жизни // Континент. 2007. № 22 (207). 21 ноября–4 декабря. С. 37.
- 12. Я, Нурбулат Масанов... Сб. статей и интервью Н.Э. Масанова / Сост. Л.Е. Масанова. – Алматы: Искандер, 2007. – 396 с.**
Содерж.: Предисловие. С. 3–4; Я, Нурбулат Масанов... – С. 5; ...Историк (первое интервью). – С. 7–34; ...Ученый и педагог. С. 35–100; ...Страстный болельщик, прекрасный знаток. С. 101–176; ...Политолог. С. 177–242; ...О geopolитике. 243–286; ...Гражданин и патриот. С. 287–330; ...Демократ. С. 331–382; Последнее интервью. 383–388; Список интервью и статей, включенных в сборник. С. 389–392.
- 13. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества.** Изд. 2-е, дополненное. / Н.Э. Масанов; сост. Л. Е. Масанова, И. В. Ерофеева. – Алматы: Print-S, 2011. 740 с.
Содерж.: Предисловие ко второму изданию. С. 3–8; От составителей. С. 9–14; Введение. С. 15–41; Часть 1. Система материального производства. С. 42; Глава 1.

Кочевничество и среда обитания. С. 42–80; Глава 2. Природа и кочевое население Казахстана. С. 81–276; Глава 3. Сфера материального производства. С. 277–309; Глава 4. Производственный цикл. С. 310–350; Глава 5. Закономерности организации процесса производства. С. 351–374; Часть 2. Система общественных отношений. С. 375; Глава 6. Социальная организация. С. 375–418; Глава 7. Производственные отношения. С. 419–460; Глава 8. Социальная структура общества и формы эксплуатации зависимого населения. С. 461–497; Глава 9. Стадиальная идентификация кочевого общества. С. 498–534; Экология и этническая история кочевников-казахов (Вместо заключения). С. 535–549; Таблицы. 550–566; Литература. С. 567–664; Приложения. С. 665–732; Список сокращений. С. 733–735.

ЛЕТОПИСЬ ПУБЛИКАЦИЙ

1977

- К вопросу о ясачной повинности по «Уставу о Сибирских киргизах» // Известия АН КазССР, серия общественных наук, 1977. № 4. С. 45 – 49.
- Уак // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 11. – Алматы, 1977. С.

1978

- Шакшак // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. – Алматы, 1978. С. 169.
- Шимойын // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. – Алматы, 1978. С. 251.
- Шеруші // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. – Алматы, 1978. С. 243.
- Шегендік // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. – Алматы, 1978. С. 230.
- Шәйкоз // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. – Алматы, 1978. С. 206.
- Шубарайғыр // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. – Алматы, 1978. С. 298.
- Шубыртпалы // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. – Алматы, 1978. С. 300.

- Шмидт Ю.А. // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. – Алматы, 1978. С. 259.
- Ядринцев И.М. // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. – Алматы, 1978. С. 521.
- Этногеография // Қазақ Совет Энциклопедиясы. Т. 12. – Алматы, 1978. С. 482.
- Кибиточная подать в Казахстане: 1837–1968 гг. // Вопросы истории Казахстана. – Алма-Ата, 1978. С. 141–161.
- К истории царского ясака в Младшем и Среднем жузах в XVIII в. // Мат-лы респуб. науч.-практ. конференции молодых ученых по общественным наукам (24–25 февраля 1978 года). – Алма-Ата, 1978. С. 159.

1979

- Налоговая политика царизма во Внутренней орде в середине XIX в. // Известия АН КазССР, серия общественных наук, 1979. № 4. С. 52–59.
- Ценный источник по истории и этнографии казахов // Известия АН КазССР, серия общественных наук. 1979. № 6. С. 90–91 (в соавторстве).

1980

- Ценное пособие по истории Советского Казахстана // Известия АН КазССР, серия общественных наук. 1980. № 2. С. 82–83. (в соавторстве).
- К этнической истории уаков // Проблемы изучения и охраны памятников Казахстана. – Алма-Ата, 1980. С. 129–135.
- Население // Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. – Алма-Ата, 1980. С. 14–28 (соавтор В.В. Востров).

20. Земледелие: историко-археологический очерк // Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата, 1980. С. 137–165 (соавтор К.М. Байпаков).

1981

21. Отражение современных этнических процессов в материальной культуре сельского населения Казахстана // Всесоюзная конференция «Этнокультурные процессы в современном мире». Тезисы докладов и сообщений. – Элиста, 1981. С. 88–90 (в соавторстве).
22. Этнографическая наука на службе общества: интервью с акад. АН КазССР А.Х. Маргуланом // Известия АН КазССР, серия общественных наук. 1981. № 1. С. 25–28.

1982

23. Освоение целины и основные направления этнических процессов в Казахстане // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980–1981 гг. Тезисы докладов. – Нальчик, 1982.
24. Важный вклад в изучение национального вопроса в СССР // Известия АН КазССР. 1982. № 5. С. 75–76 (в соавторстве).
25. Видный казахский ученый М.-С. Бабаджанов // Вестник АН КазССР. 1982. № 11. С. 60–65 (соавтор Ивлев Н.П.).

1983

26. Е. Скайлер об истории и этнографии казахов // Зарубежная литература. Реферативный сборник. Вып. 17. – Алма-Ата, 1983. С. 28–38.

27. Критика буржуазной фальсификации национальных отношений в Советском Казахстане: к историографии проблем // Вопросы историографии Казахстана. – Алма-Ата, 1983. С. 168–179 (в соавторстве).

1984

28. Социальная организация кочевников Евразии // Первая конференция молодых историков Средней Азии и Казахстана. – Душанбе, 1984. С. 81–82.
29. Социальная организация кочевого общества казахов // Вестник АН КазССР, 1984. № 4. С. 25–38.
30. Этнизация кочевого типа хозяйственной деятельности и проблема этногенеза казахов // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982–1983 годов. Тезисы докладов. Ч. I. – Черновцы, 1984. С. 86–87.
31. Экологические аспекты этногенеза кочевников Казахстана // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1984. С. 43–47.
32. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности академика Академии наук Казахской ССР А.Х. Маргулана // Альбей Хаканович Маргулан. Биобиблиография ученых Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1984. С. 12–28 (в соавторстве).
33. Теренин толгар гулама // Социалістік Қазақстан. 1984. 11 мая.
34. Жұлдыздың жарығы // Коммунистық ешек. 1984. 12 мая.
35. Казахский ученый М.-С. Бабаджанов // Простор. 1984. № 3. С. 196–199 (в соавторстве).
36. Патриарх казахстанской науки. К 80-летию А.Х. Маргулана // Вечерняя Алма-Ата. № 116 (5154). 11 мая 1984. С. 3.

1985

37. Совет тарихнамасына қосылған // Орталық Қазақстан. 1985. 4 апреля.
38. Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов // Вестник МГУ. Серия 8. История. М., 1985. № 4. С. 86–96 (соавтор Г. Е. Марков).
39. Этногенез казахов в освещении русской историографии // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. – Алма-Ата, 1985. С. 3–19 (соавтор Ж.К. Касымбаев).
40. Внутренняя орда в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. – Алма-Ата, 1985. С. 50–63 (в соавторстве).
41. Алым // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. – Алма-Ата, 1985. С. 66.
42. Казахи // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. – Алма-Ата, 1985. С. 198–201 (в соавторстве).
43. Племенной союз // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. – Алма-Ата, 1985. С. 368–369.
44. Племя // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. – Алма-Ата, 1985. С. 369.
45. Ладыженский М.В. // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. – Алма-Ата, 1985. С. 281.
46. Обручев В.А. // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. – Алма-Ата, 1985. С. 333.
47. Перовский В.А. // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. – Алма-Ата, 1985. С. 363.
48. Эссең П.К. // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 1. Алма-Ата, 1985. С. 557.
49. Комментарий // Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. – Алма-Ата, 1985.

1986

50. Чокан Чингисович Валиханов – выдающийся казахский ученый, мыслитель, просветитель-демократ // Вестник АН КазССР. 1985. № 11. С. 3–14 (в соавторстве).
51. Рецензия: Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья // Білім және еңбек. 1985. № 3. С. 47.
52. Болмыс пеп бітім // Білім және еңбек. 1985. № 1.
53. Рецензия: Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг.). – Алма-Ата, 1984 // Вестник АН КазССР. 1985. № 10. С. 84–86 (соавтор Х. А. Аргынбаев).
54. История рабочего класса СССР // Известия АН КазССР, серия общественных наук. 1985. № 2. С. 85–87 (в соавторстве).
55. Теренин текти таныған // Білім және еңбек. 1985. № 11. С. 20–21.

1987

56. Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. – Новосибирск, 1986. С. 20–26.
57. Проблемы этногенеза уйгуров // К вопросу об историко-культурном развитии Восточного Туркестана (IX – XII вв.). – Алма-Ата, Наука, 1986. С. 3–25 (соавторы Г. С. Баратова, Г. М. Исхаков).
58. Эволюция кочевого хозяйствственно-культурного типа и проблема этногенеза казахского народа // Вестник АН КазССР. 1987. № 8. С. 27–30.
59. Кочевниковедение в ускорение социально-экономи-

- ческого развития советского общества // Роль этнографии в идеологической работе и в ускорении социально-экономического развития общества. Всесоюзная научная конференция «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний». Тезисы докладов. – Омск, 1987. С. 149–150.
60. Дисперсное состояние – всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Вестник АН КазССР. 1987. № 3. С. 29–39.
61. Дисперсное состояние – всеобщий закон жизнедеятельности кочевого общества // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. – Алма-Ата, 1987. С. 21–24.
62. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане // Вестник АН КазССР. 1987. № 1. С. 15–16.
63. О совершенствовании координационной работы в научных учреждениях и Научных советах Отделения общественных наук // Вестник АН КазССР. 1987. № 1 (в соавторстве).

1988

64. Социально-экономические отношения в кочевом обществе казахов // Вестник АН КазССР. 1988. № 8. С. 45–55.
65. Этногенез казахов: проблема исторической преемственности // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. – М., 1988. С. 84–86.
66. Чокан Валиханов об этногенезе казахского народа // Чокан Валиханов и современность. Сб. мат-лов

Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова. – Алма-Ата, 1988. С. 197–199.

1989

67. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989. С. 55–81.
68. Н.А. Аристов // Казахская ССР. Краткая энциклопедия. Т. 3. – Алма-Ата, 1989.

1990

69. Эпоха Великих географических открытий в исторических судьбах кочевничества Евразии и Северной Африки // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1989 гг. Тезисы докладов. Ч. 1. – Алма-Ата, 1990. С. 102–104.
70. Оседание кочевников в доиндустриальную эпоху: реальность и миф // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1989 гг. Тезисы докладов. Ч. 3. – Алма-Ата, 1990. С. 43–45 (в соавторстве).
71. Этногенез казахов: проблема и метод // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. П. История и археология. – М., 1990. С. 94–105.
72. La dispersion comme loi generale de l'activite de la societe nomade // Nomades et sedentaires en Asie Centrale. Apports de l'archeologue et de l'ethnologie. Paris, 1990. P. 193–203.

1992

73. Казахи в XX столетии: этническое развитие и исторические судьбы // Расы и народы. Ежегодник. 1992. Вып. 22. – М., 1993. С. 98–117.
74. Как обустроить Казахстан // Казахстанская правда. 1992. 1, 5 и 6 мая (соавтор Н. Амрекулов).
75. К стабильному гражданскому миру // Казахстанская правда. 1992. 21 марта (соавтор Н. Амрекулов).
76. Гиперинфляция – угроза экономической катастрофы // Казахстанская правда. 1992, 23 и 24 сентября (соавтор Н. Амрекулов).
77. Как вывести Казахстан из кризиса // Казахстанская правда. 1992, 16 июня (соавтор Н. Амрекулов).
78. Дайте бизнесу созреть // Панорама. 1992. Спецвыпуск (в соавторстве).
79. Kazakhstan today // Caravan-Business Week, 1992. № 3.
80. Казахстан сегодня // Караван. 1992. 10 июля (в соавторстве).
81. Мы жители степи: Откуда пошли казахи // Казахстанская правда. 1992. 30 сентября.
82. Посткоммунизм есть «государственное регулирование экономики плюс «КРАМДСизация всей страны» // Панорама. 1992. № 5 (в соавторстве).
83. «Всеобщее огосударствление»: зло под личиной блага // Панорама. 1992. № 17.
84. Двигатель НЭП – частная собственность // Казахстанская правда. 1993. 4 декабря. (соавтор Н. Амрекулов).
85. Рецензия: К.Л. Есмагамбетов. Что писали о нас на Западе. Алма-Ата, 1992 // Азия. 1992. № 31 (в соавторстве).
86. Казахские жузы // Казахстанская правда. 1992. 6 октября.

1993

87. Казахи в XX столетии: этническое развитие и исторические судьбы // Расы и народы. Ежегодник 1992. Вып. 22. – М.: Наука, 1993. С. 98–117.
88. Миграция в Казахстане. Вчера. Сегодня. Завтра // Азия. 1993, февраль. № 4 (42). С. 21–22.
89. На публикацию фрагмента книги «Забытые мусульмане» // Панорама. 1993. № 4.
90. Двигатель НЭП – частная собственность // Казахстанская правда. 1993. 4 декабря (соавтор Н. Амрекулов). С. 2.
91. Современное состояние и перспективы развития Казахстана // East-West-South Project. Publication № 5. Central Asian Civil Society in Search of Partners. Proceedings of a Conference on Democratization, Economic Transformation and International Cooperation. The Hague – Utrecht – Amsterdam, 1993. Р. 79–85.
92. Патриотизм не имеет ничего общего с национализмом // Казахстанская правда. 1993. 30 декабря (в соавторстве).
93. Рецензия: М.С. Муканов. Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков. Алма-Ата: Казахстан, 1991 // Известия НАН РК, серия общественных наук. 1993. № 1 (в соавторстве).

1994

94. Национально-государственное строительство в Казахстане: анализ и прогноз // Национализм и безопасность в постсоветском пространстве. – М.: Прогресс, 1994. С. 45–53.
95. Права человека в многонациональном Казахстане и решение межэтнических проблем // Общественные

- организации и власти: взаимодействие в демократическом обществе. – Алматы, 1994. С. 170–172.
96. Пора бы всем задуматься // Мысль. 1994. № 2 (в соавторстве).
97. *Рецензия:* Р. Г. Кузеев. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992 // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 166–167 (соавторы Х. А. Аргынбаев, М. С. Муканов).
98. Главная задача нового парламента – восстановить попранный здравый смысл // Караван. 1994. 18 марта.
99. Нами управляет правительство «наихудших решений» // АВВ. 1994. 13 июня.
100. Казахстан: Современная межэтническая ситуация // Бюллетень Международного проекта «Урегулирование межнациональных конфликтов в постсоветском пространстве». «От конфликта к согласию», 1994. № 3.
101. О диком национализме и подлинном патриотизме // Караван. 1994. 14 января (в соавторстве).
102. Будущее Казахстана без России невозможно // Караван. 1994. 4 февраля.
103. Демократия – путь к миру и выживанию // Новое поколение. 1994. № 27, 28, 29, 30, 31, 32 (в соавторстве).
104. Что с нами будет? Прогноз на завтра // Караван. 1994. 14 октября (в соавторстве).

1995

105. Историческая типология государственных структур и проблема их преемственности: на примере государственно-потестарных структур казахского общества // Этнические аспекты власти. – СПб., 1995. С. 36–51.

106. Национально-государственное строительство в Казахстане: анализ и прогноз // Вестник Евразии. Acta Eurasica. № 1. – М., 1995. С. 117–128.
107. Предисловие // Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алматы, 1995. С. 3–8.
108. Этнический состав, география расселения и численность казахского этноса // Казахи. Историко-этнографическое исследование. – Алматы, 1995. С. 9–21.
109. В Казахстане ислам проигрывает этнической идее // Государства Центральной Азии: поиск места в мировой политике. М., 1995.
110. Рениграция Центральной Азии и России – только вопрос времени // Государства Центральной Азии: поиск места в мировой политике. – М., 1995.
111. Ситуация в Казахстане: взгляд изнутри // Государства Центральной Азии: поиск места в мировой политике. – М., 1995.
112. К оценке состояния окружающей среды в Казахстане // Государства Центральной Азии: поиск места в мировой политике. – М., 1995.

1996

113. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии. Acta Eurasica. № 1 (2). – М., 1996. С. 46–61.
114. Геополитическая ситуация в Центральной Азии // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. Вып. III. Международный симпозиум 12–14 января 1996 г. – М., 1996. С. 181–188.
115. Казахстан и мировое окружение // Штурм, 1996. № 2. С. 45–49.

116. Социально-экономическая ситуация в современном Казахстане//Время по Гринвичу/All over the globe. Almaty, 1996. July.
117. Казахстан и международные финансовые институты – стратегия экономических приоритетов// Время по Гринвичу/All over the globe. Almaty, 1996. № 25 (52).
118. Структура власти, номенклатура и национальная буржуазия // Время по Гринвичу/All over the globe. Almaty, 1996. № 57 (84).
119. Пост-советские политические структуры, рыночная экономика и этнические конфликты // Время по Гринвичу/All over the globe. Almaty, 1996. № 59 (86).
120. Феномен патернализма на пост-советском пространстве // Время по Гринвичу/All over the globe. Almaty, 1996. № 30 (57).
121. Islam Karimov, Nursultan Nazarbaev: the two roads of two presidents// Время по Гринвичу/All over the globe. Almaty, 1996. № 74 (101) – 75(102).
122. Русские в Казахстане // Bulletin. Network ethnological monitoring. May 1996. № 9. Moscow, 1996. С. 38–43.
123. Политическая ситуация в Казахстане // Современные политические процессы. – Бишкек, 1996. С. 63–73.
124. Феномен патерналистского сознания // Материалы «Круглых столов и семинаров». – Алматы, 1996. С. 85–89.
125. Моя любовь футбол // Доживем до понедельника. – 1996. 16 февраля. С. 9.
126. Социально-экономическая ситуация в Казахстане (к вопросу об индикаторах модели раннего предупреждения конфликтов) // Колесо. 1996. № 5 (71). 19 декабря. С. 8–9.

1997

127. Traditionalist Nazarbaev versus pragmatist Kazhegeldin» // Время по Гринвичу/All over the globe. Almaty, 1997. № 2 (120).
128. Миграции в Казахстане: история, проблема и метод // Время по Гринвичу / All over the globe. Almaty, 1997. № 37 (155) – 38 (156).
129. Глобальная geopolитика и мировой порядок //Время по Гринвичу/ All over the globe. Almaty, 1997. № 25 (143). С. 2.
130. Политическая ситуация в современном Казахстане// Время по Гринвичу/ All over the globe. Almaty, 1997. October.
131. Профсоюзыineизбежно возникают на этапе нецивилизованных отношений... // Наша газета. 1997. № 44. С. 2–3.
132. Особенности функционирования традиционного кочевого хозяйства казахов // Пасторализм в Центральной Азии. Материалы международной научной конференции «Состояние и перспективы развития животноводства в республиках Центральной Азии в условиях перехода к рыночной экономике». – М., 1997. С. 97–111.
133. Современное состояние скотоводства в Казахстане // Пасторализм в Центральной Азии. Материалы международной научной конференции «Состояние и перспективы развития животноводства в республиках Центральной Азии в условиях перехода к рыночной экономике». – М., 1997. С. 216–231.
134. Особенности функционирования традиционного кочевого хозяйства казахов // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. – Алматы, 1997. С. 5–18.
135. Социально-экономические отношения в казахском

- кочевом обществе // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. – Алматы, 1997. С. 35–45.
136. Казахстан в 1995–1996 гг.: результаты этнополитического мониторинга // Социальные конфликты: Экспертиза. Прогнозирование. Технологии разрешения. – Вып. 13. Региональная конфликтология. – Казахстан. М., 1997. С. 112–129.
137. К итогам хоккейного сезона в НХЛ // Время по Гриневичу/ All over the globe. 1997. № 49 (167). С. 7; № 50 (168). С. 7; № 51 (169). С. 7; № 52 (170). С. 7; № 53 (171). С. 7; № 54 (172). С. 7; № 55 (173). С. 7.

1998

138. Феномен кочевого общества казахов // Культурные контексты Казахстана: история и современность. – Алматы, 1998. С. 46–56.
139. Кризис Казахстана – это есть кризис президентской власти // Караван. 1998. 21 августа. С. 8–9.
140. Россия – 2000: фундаменталисты в Кремле // Караван. 1998. 4 сентября.
141. Мы связаны одной цепью. О ситуации в России// XXI век. 1998. 4 сентября. С. 15.
142. Взаимодействие миграционных систем Казахстана, России, Китая и Средней Азии // Современные этнополитические процессы и миграционная ситуация в Центральной Азии / Под ред. Г. Витковской. – М.: Московский Центр Карниги. 1998. С. 55–66.
143. Политическая и экономическая элита Казахстана // Центральная Азия и Кавказ. 1998. № 1. С. 79–92.
144. Как обустроить Казахстан // Трибуна «XXI» века, 1998. 29 октября. С. 2.
145. Национальная буржуазия и иностранная элита в Казахстане и Центральной Азии // Время по Гринви-

- чу/ All over the globe. 1998. № 22 (240). 25 марта. С. 6; 1998. № 23 (241). 27 марта. С. 6.
146. Я мечтал об этом 30 лет // Караван. 1998. 17 июля. С. 21–22.

1999

147. Итоги первого года социологического исследования скотоводства в Казахстане // Животноводство и скотоводство в Казахстане на этапе перехода к рыночным отношениям Мат-лы междунар. конф. «Современное состояние скотоводства и животноводства в Казахстане и перспективы их развития». Алматы, 12–13 января 1999. – М., 1999. С. 103–131.
148. Миграционные метаморфозы Казахстана // В движении добровольном и вынужденном. Постсоветские миграции в Евразии. – М., 1999. С. 127–152.
149. Тенге – это налог на Астану // XXI век, № 16 (58), 22–28 апреля 1999. С. 1, 3.
150. Загадочная газета без загадок // 451 градус по Фаренгейту. 1999. № 11.
151. Размышления в преддверии выборов // 451 градус по Фаренгейту. 1999. № 13.
152. Возьмем под контроль подсчет голосов // XXI век. 1999. 29 июля. – С. 4.
153. Страна на перепутье//451 градус по Фаренгейту. 1999. № 15.
154. В Казахстане сложилась однополюсная политическая система // Начнем с понедельника. 1999. 10 ноября. – С. 5.
155. Оппозиция – зачем она нужна? // XXI век. 1999. 11 ноября.
156. Время – диалогу и консенсусу // XXI век. 1999. 4 марта. С. 3

2000

157. Политические аспекты евразийства // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 1(7). С. 162–168 (соавтор А. Чеботарев).
158. Политическая элита Казахстана // Политическая элита Казахстана: история, современность, перспективы. Материалы «круглого стола», Алматы, 5 февраля 2000 г. – Алматы, 2000. С. 35–50.
159. Особенности функционирования традиционного кочевого общества казахов // Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. Труды государственного исторического музея. Вып. 120. – М., 2000. С. 116–130.
160. Specific traits of traditional nomadic society of the Kazakhs // Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. Труды государственного исторического музея. Вып. 120. – М., 2000. С. 188–192.
161. Коррупция в Казахстане: мифы и реальность // Республика-2000. 2001. № 38, 4 октября. С. 5; № 39, 11 октября 2001. С. 9.

2001

162. Центральная Азия в древности. Географическая среда // История Казахстана и Центральной Азии: Учеб. пособие. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 7–17.
163. Центральная Азия в составе Российской империи // История Казахстана и Центральной Азии: Учеб. пособие. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 353–364.
164. Национальный политический диалог в Казахстане как механизм согласования интересов гражданского общества и повышения эффективности государственной политики // Фонд Евразия; Фонд Сорос-Казах-

стан. Инициатива в области общественной политики: прикладные исследования. Т. 8. – Алматы, 2001. – 28 с.

165. В Европе Казахстан не ждут: футбол в преддверии чемпионата мира // Время. 2001. 4 октября. С. 16.
166. Заколдованный круг: еще раз о коррупции в Казахстане // Солдат дубль. 2001. № 55, ноябрь. С. 11.
167. Права и интересы этнических меньшинств // Европейский союз. 2002. № 11 (51), декабрь. С. 4–5.
168. На грани гротеска и безумия...// «Экономика. Финансы. Рынки». Деловое обозрение Республики. 2002. № 7 (07), 19 июля. С. 5.
169. Выступление на Собрании демократической общественности Казахстана, Алматы, 19 января 2002 // Республика-2000. 2002. № 3, 31 января. С. 3.
170. Демократическая катастрофа 1929–1933 гг. // Солдат дубль. 2002. № 4 (62), март. С. 8 (соавтор А. Алексенко).

2003

171. Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Евразия. Люди и мифы: (Сб. статей из журнала «Вестник Евразии») / Сост. С. А. Панарин. – М.: Наталис, 2003. С. 365–381.
172. The Economy, Production and Trade // History of Civilizations of Central Asia. Volume V. Development in contrast: from the sixteenth to the mid-nineteenth century. Turin, UNESCO, 2003. P. 373–425.
173. Стало ли больше демократии в стране? Политические итоги 2002 года и перспективы развития Казахстана // СОЗ. 2003. № 2 (18), 21 января. С. 3.

2004

174. Номадизм и пасторализм: проблемы типологии и сравнительного анализа сущности понятия // Nomadism and pastoralism between the Vistula and Dnieper rivers (Neolithic, Eneolithic, Bronze Age). – Poznan, 2004. Р. 15–23.
175. Судьбы демократии в контексте диалога // Власть и оппозиция в Казахстане: перспективы диалога. Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. – Алматы: Институт национальных исследований, Фонд им. Фридриха Эберта в Казахстане, 2004. 2005. С. 71–76.
176. Имеет ли право Назарбаев баллотироваться на пост президента // Жұма-Таймс. 2005. № 18 (26), 13 мая. С. 12–13.
177. Об ангажированной политологии // Свобода слова. 2005. 20 июля. С. 4.

2006

178. Реноме кочевников // Мир Евразии. Информационно-аналитический журнал. 2006. № 9 (34). С. 17–19.
179. Кочевничество в современном мире // Kazenergy. 2006. № 1. С. 86–89.

2007

180. Историческая типология государственных структур и проблемы их преемственности // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства: Сб. матер. Межд. науч. конференции. Алматы, 19–20 декабря 2005 г. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 44–61.

2008

181. Сегодня во власти – барынтачи? // Общественная позиция. 2008. № 1, 9 октября. С.11.

2010

182. Номадизм и пасторализм: проблемы типологии и сравнительного анализа сущности понятия // Рольnomadov в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: Сб. мат-лов Межд. науч. конф. – Алматы: Print-S, 2010. С. 5–20.

2014

183. La Grand Horde (Uly Už) au croisement des sources // Le Kazakhstan en mutation: Les steppes kazakhes entre colonisation et soviétisation (1800–1920)/ Ministère des Affaires étrangères et du Développement international. IFEAC; Sous la direction de C. Poujol. – Bishkek-Paris: Editions Petra, 2014. P. 73–118.

ФОТОПРИЛОЖЕНИЕ

Научно-популярное издание

МАСАНОВ Нурбулат Эдигеевич

Биобиблиография

Редактор
Л. Туманова

Дизайн и вёрстка
О. Храмовская

Отпечатано в типографии
ТOO “Service Press”

Айдарбек Бекмухаммедович
Масанов

Мусатай Бекбулатович
Ахинжанов

Нурбулатик с родителями

Вдвоем с мамой

С коллегами по ИИАЭ. В центре – д.и.н. М. С. Муканов и д.и.н. профессор Х. А. Аргынбаев

С сотрудниками Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Слева первый в ряду стоит Сержан Мусатаевич Ахинжанов

В этнографической экспедиции по Казахстану

С Ж. Леграном и д.п.н. С. Күшкүмбаевым на конференции «Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства». Алматы, декабрь 2005 г.

С участниками конференции по исследованию скотоводства и животноводства в постсоветской Центральной Азии. Санкт-Петербург, 5–6 июня 1997 г.

На приеме в Посольстве Польши в Казахстане

С участниками III Ассамблеи Всемирного движения за демократию,
г. Дурбан (ЮАР)

Член правления фонда Сорос-Казахстан Н. Э. Масанов с основателем фонда Джорджем Соросом

На митинге демократической оппозиции в Алматы, 2002 г.

Заседание дискуссионного клуба «Политон»

С профессором Университета SOAS (Лондон), исследователем Центральной Азии и Казахстана Бавной Деве (справа)

С С. А. Панариным

В кругу семьи Пьера Тореза – младшего сына Мориса Тореза. Париж, 1998

С советником Посольства Франции в Казахстане
Клодом Круай и Ириной Ерофеевой

На праздновании Нового 2002 года со сподвижниками по демократическому движению

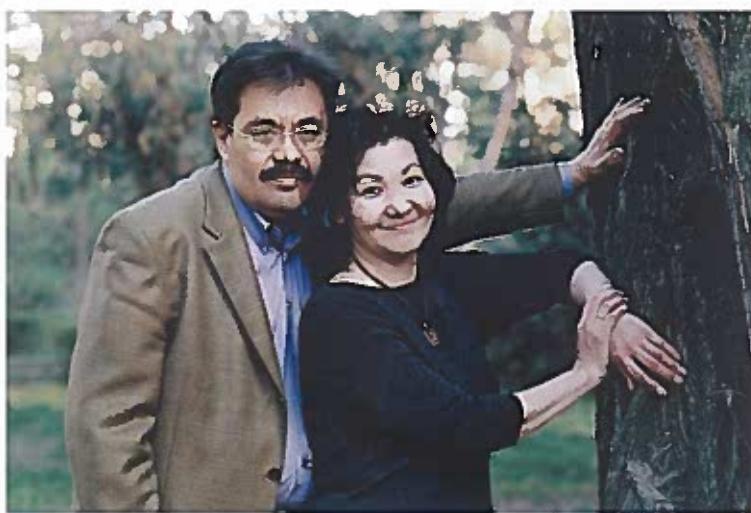
Фотоприложение

С дочерьми Инарой (слева) и Алией (справа)

С сыном Маджером

Нурбулат и Лаура Масановы

